

ЯНА
Ланская



ОНИМНОЙ

Держим
НАВЕКИ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Яна Ланская

Он мной одержим навеки

«Автор»

2026

Ланская Я.

Он мной одержим навеки / Я. Ланская — «Автор», 2026

Со мной в Президентской академии учится сын олигарха Ананьевского. Инкогнито. Я это узнаю и сливаю информацию на своём телеграм-канале. Золотой мальчик в ярости, обещает мне отомстить и загубить карьеру на всю оставшуюся жизнь, но неожиданно пропадает из учебного заведения. А через три месяца я просыпаюсь в шесть утра, потому что мой дом штурмует ОМОН. И один из бойцов подозрительно похож на моего ненавистника. Он поставил меня на колени, а потом вознёс на пьедестал.

© Ланская Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Внимание!	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	42
Глава 16	45
Глава 17	49
Глава 18	53
Глава 19	56
Глава 20	58
Глава 21	61
Глава 22	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Яна Ланская

Он мной одержим навеки

Внимание!

Данная книга предназначена исключительно для читателей старше 18 лет. В тексте присутствуют: нецензурная брань, сцены курения и распития алкоголя. Книга не имеет намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства, взгляды или убеждения. Все события, персонажи и диалоги являются вымышленными.

Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны.

Произведение предназначено исключительно для развлекательного чтения.

Глава 1

«Ань, Ань! Аня, вставай!»

Слышу сквозь сон голос брата. Открываю глаза, в комнате полный мрак из-за штор блэкаут.

– Ты зачем меня будишь? – Недовольно шиплю на брата.

Он включает фонарик на телефоне, закрывает его пальцем, чтобы сильно не светил и подходит ко мне.

– Аня, у меня проблемы. Это жость.

– Что такое?

– У нас спецназ по участку ходит.

– Какой ещё спецназ, ты чо под кайфом?

– Нет, я закрывал окно и, прикинь, вижу, как по дорожкам ходят вежливые человечки.

– Ты гонишь? Где?

Я вскакиваю и подбегаю к окну. Брат меня перехватывает и не даёт раскрыть шторы.

– Пойдём к балкону, там не так палевно будет.

Мы подходим к балкону и я сквозь стекло осматриваю участок. По периметру действительно перемещаются вооружённые люди в униформе.

И в этот момент мы слышим, как в дверь начинают дико колотить. У нас нет звонка, мы живём в загородном доме, лишь металлическое кольцо на двери. От него громкий и неприятный звук, но сейчас он просто невыносим.

– Блин, что делать?! Мне хана, Ань!

– А ты тут вообще причём?

– Ну, помнишь меня задержали пятого марта? Теперь пришли!

Моего брата спалила росгвардия на парковке фудхолла Депо за не очень легальным делом, но всё обошлось, его отпустили. Я не знаю с чего вдруг он решил, что они к нам заявили по его душу. Думаю, это какая-то ошибка. А потом я холодею от ужаса, это ко мне...

Судорожно начинаю вспоминать, что я публиковала в свой телеграм-канал последнее время. Известность ему принёс пост с разоблачением моего однокурсника – сына олигарха Ананьевского. Меня тогда цитировала Собчак, Mash и все популярные каналы. Дописалась...

Даня убегает в свою спальню, а я бегу в санузел, сделать все свои дела, прежде чем к нам ворвутся. К дикому стуку прибавились крики. Жуть какая!

Буквально через минуточку моего туалета начинает активно двигаться. Значит, им открыли родители. В дверь мощно стучат и строгий мужской голос требует немедленно выйти.

А я совсем не готова. Смываю воду, кричу, что мне нужна минута.

В дверь продолжают колотить и дёргать ручку. Строгие приказы я не слышу, всё сливается в какой-то гомон. Я мигом натягиваю свои микро шорты, поправляю майку, смотрю в зеркало. Я не успела ни расчесаться, ни почистить зубы, ни умыться.

Хватаю свой телефон с раковины и прокручиваю замок.

Весь проход занимает боец ОМОНа. Он огромный, два метра точно, настоящий шкаф. Да ещё этот громила в полной экипировке. Балаклава, бронжилет. Видно лишь голубые глаза. Невероятно голубые и ледяные, как у гребаных белых ходяков. И этими глазами он сейчас пожирает моё, еле прикрытое, тело. Он жуткий. Ещё и с автоматом...

– Девушка, выходим и спускаемся на первый этаж, – приказывает второй, которого я не сразу заметила за этим громилой. Такого великана я встречала однажды. Это и был тот сдэаноненный сыночек. Таких амбалов надо поискать ещё...

Я киваю и послушно выхожу из спальни. Вижу, как в другом конце коридора двое бойцов стоят у двери маминной комнаты и требуют спуститься вниз. Судя по всему, она ещё спит и не понимает, что происходит.

Выхожу к лестничному пролёту и вижу, как Даню положили на пол. Чёрт, неужели он действительно что-то натворил. Даня, Даня...

И хоть я переживаю за своего брата-близнеца, чувствую облегчение. Значит, мне показалось. Это не из-за меня. И тот громила в балаклаве не похож на Влада Ананьевского, просто большая фантазия, не более...

Спускаюсь по лестнице, этот великан следует по моим пятам, я физически ощущаю, что он непозволительно близко, никаких личных границ. Он думает, что я сбегу?! Куда? На кухню?

В холле первого этажа стоит мой папа в одних трусах, окружённый толпой бойцов и людей в гражданском. Он изучает какие-то документы.

– Пап, что происходит?

– Ань, не переживай!

В смысле не переживать? У нас наверху около шести человек, внизу ещё по моим быстрым подсчётам около десяти. Даня явно что-то серьёзное натворил, раз столько людей задействовано.

– Извините, а почему вы к нам пришли? – Вкрадчиво спрашиваю у сопровождающих меня сотрудников.

– Из-за уголовного дела, – отвечает второй, который поменьше.

– А какая статья?

– 199. Уклонение от уплаты налогов и сборов.

– А, спасибо!

Фух, значит, это точно не я. И не Даня. Так, папа? Он что, налоги не платит? Да не может такого быть, он интеллигентный человек! Каждые выходные в филармонии или театре. Опера регулярно, музеи. Прочёл всю классику и не платит налоги? Он же всегда призывал нас следовать закону. Меня за штрафы в двести пятьдесят рублей за превышение скорости отчитывает, а сам...

Наконец громила говорит мне сесть на диван в гостиной. Мне холодно от одного его голоса, а ещё мне опять кажется, что он пялится на меня своими ледяными глазами... тело покрывается гигантскими мурашками, а грудь становится тяжёлой, да ещё и соски торчат. Не знаю куда деться от неловкости.

Зачем я только надела сегодня эту дурацкую розовую пижаму. Шорты открывают половину попы, а топ с очень большим декольте.

Ищу плед, которым смогу прикрыться, но мама привычка всё убирать на место, не оставляет мне никакой возможности спрятаться от этого, обжигающего морозом, взгляда.

Наконец приходит Даня и садится на кресло. Я ему шепчу губами, всё ли в порядке. Он незаметно кивает головой. Значит, успел избавиться от своих косяков.

Спускается мама. Она одновременно и испугана, и зла. Ей хоть позволили надеть халат.

– Что ты опять вытворил? У папы сегодня колоноскопия, а ты ему сюрприз с утра пораньше приготовил. Это уже выходит за все рамки! – Шипит мама на моего брата, чтобы он всё услышал, а бойцы не разобрали её слов.

– Мам, Даня ничего не делал. Это из-за налогов.

– Налогов? Господи, что о нас подумают соседи?!

Вот так всегда, у нас реальные проблемы, а её только чужое мнение интересуется и колоноскопия. Ну, дичь. Не то, что Даню скрутили и положили на пол, не то, что я почти голая при мужиках, не то, что папу могут посадить, а чёртовы соседи!

Смотрю на брата, он начинает от волнения покрываться красными пятнами, а у мамы трясутся руки.

Я же не знаю куда деться, доброе утро, блин. Чувствую себя голой под взглядом громилы. Мне кажется или он смеётся? Чёртова маска!

Приходит следователь с папой и сообщает, что сейчас будет обыск. Извиняется перед нами и говорит, что наши спальни тоже обыщут. Спрашивает не против ли мы, если при обыске комнат будет присутствовать только папа. Все соглашаются.

Я спокойна, у меня в комнате всегда порядок и мне стыдиться нечего. Чёрт, вообще-то есть чего.

– Извините, а могу я присутствовать во время досмотра моей комнаты, вместо папы?

На день рождения мне мой лучший и единственный друг Егор подарил секс-игрушки. Обосновав, что я никогда не лишусь девственности и это будут мои лучшие друзья. Дурак! Я бы выкинула сразу, но они же загрязняют окружающую среду, их надо сдать на переработку. Поэтому они лежат у меня в бельевом ящике и я умру со стыда, если папа это увидит.

Мы поднимаемся ко мне в спальню, а громила включает камеру у себя на груди.

– А это обязательно? – С удивлением спрашиваю я.

– Таков протокол, – отвечает следователь.

Чудесно, просто чудесно. Хорошо, что мой папа непубличный и вряд ли это выложат в паблики.

Они начинают со спальни, но там ничего нет и они быстро заканчивают, просто подняв матрас и заглянув под кровать и во все тумбочки. Там только книги и зарядки.

Быстро осматривают санузел, там тоже ничего. А вот , когда мы заходим в гардеробную, я начинаю нервничать.

И как назло, они начинают с комода. Замечательно в первом же отделении меня ждёт позор! Они разгребают моё белье и натываются на чёрную коробку. Какой стыд...

Открывают коробку, там аккуратно лежат вибратор, вакуумный стимулятор и чёртова анальная пробка с розовым пушком. Громила сзади меня прыскает, а я чувствую, как моё лицо горит от смущения. Четыре здоровых мужика, я полураздетая и этот срам в коробке.

Я перевожу взгляд на непрофессионально ведущего себя бойца и вижу, что он опустил маску. Это, мать его, Влад Ананьевский! Сука!

Его ледяные глаза теперь горят искорками смеха, он снимает камеру с груди и фиксирует содержимое моего комода, а потом наводит камеру на меня...

Глава 2

Сердце уходит в пятки. Я понимаю, что этот мерзавец всё это подстроил. Конечно, что тебе стоит награвить налоговую и заявиться вместе с ОМОНОм, когда твой папа в первой пятёрке Форбс? Ненавижу!

Хотел меня унижить? Что же... я ему не дам такого удовольствия. Собираю остатки своего самообладания и смотрю в камеру с вызовом. Он никогда не увидит моего стыда!

Сняв меня, опять наводит камеру на коробку с игрушками, а потом начинает открывать нижние ящики и снимать моё белье, не забывая в нём копаться и перебирать. Извращенец!

Я настолько погружаюсь в свои мысли, что не замечаю, как мы остаёмся одни. Все куда-то испаряются.

Из дум меня вырывает голос гадёныша.

– На этой флешке что-то интересное или такая же нудятина, как твоё бельё?

– Что? – Растеренно переспрашиваю.

Я нахожусь в такой прострации, что не могу понять, что он меня спрашивает.

Делаю глубокий вдох и фокусирую взгляд на нём. И тут до меня наконец доходит, что он крутит в пальцах мою флешку. Когда думала, что хуже анальной пробки уже быть не может, закон подлости преподносит новый удар.

– Анечка, я спрашиваю, что у тебя на флешке. Мне её конфисковать или вместе посмотрим?

Парень хитро улыбается. Он явно глумится надо мной, кретин!

Этим летом, оказавшись вдвоём с моей подружкой на пляже, мы сделали друг другу фотографии топлес. Они очень красивые, ничего пошлого, но мою репутацию они погубят однозначно.

– Там лекции. Просто выпала из сумки.

– Отлично, я как раз пропустил половину семестра из-за тебя, вот и наверстаю. Решено – конфискация!

– Давай ты её просто скопируешь? Мне правда нужны мои конспекты, —уверенно ему вру. Я должна срочно что-то придумать, он не должен этого увидеть.

– Окей, заодно и твой макбук глянем.

Этот недоомоновец с торжествующим видом, выходит из гардеробной и идёт к моему ноутбуку. Ложится в своей грязной форме на мою распотрошённую кровать и водружает себе на колени мой мак. Сука, как же он меня бесит!

– Детка, какой пароль?

– Я тебе не детка! Дай, введу.

Стремительно подхожу к ноуту, начинаю вводить пароль, резко выдёргиваю флешку, бросаюсь к двери санузла, чтобы смыть её в унитаз. Так тебе, придурок! Думал, что самый умный?

Запираю дверь, подбегаю к унитазу и понимаю, что смывать глупо, её же могут найти. Поэтому просто нажимаю кнопку слива, а флешку быстро выкидываю в скрытый технический шкаф. Там её даже сантехники не найдут.

Как только я закрываю дверцу, дверь в санузел распаивается. Конечно, он нашёл, чем прокрутить замок, даже ногтём можно.

– Так и знал, что у хорошей девочки припрятаны грязные сюрпризы. Что там было? Хоум-видео? Громила подходит вплотную ко мне, заглядывает в унитаз, ухмыляется и хватает меня за шею, впечатывая в стену.

– Думаешь, что ты здесь самая умная, сучка?

Его глаза опять горят ледяным огнём, желваки напрягаются, я смотрю на него снизу вверх и понимаю, что во всём виновата сама. Знала же какая у него репутация и полезла на рожон... дура!

Я не могу вымолвить ни словечка, я оцепенела от страха, горло пересохло. А он держит меня крепко, вжав в холодный гранит.

– Ладно, раз ты молчишь, значит, надо провести личный досмотр, – совершенно невозмутимо произносит мерзкий мажор и переводит взгляд на мои соски. Опять они напряглись от холода, ненавижу себя за эту пижаму! Нет, я его ненавижу! Откуда он такой вылез только?

Я всё-таки набираюсь смелости, поднимаю на него глаза.

– Личный досмотр проводится лицом одного пола с досматриваемым и в присутствии двух понятых того же пола. Так что, ты не имеешь права!

Я горда собой, высоко вздёргиваю подбородок и смотрю на него уже на равных.

– Ха-ха-ха, малышка, я знал, что ты типа хорошая девочка, но вот , что ты такая наивная я не предполагал. И как только ты такой острый канал ведёшь?

Парень запрокидывает от смеха голову и искренне надо мной угораёт. Зараза!

– Я позову следователя!

– Да хоть Бастрыкина, это не мешает мне поискать флешку в твоих самых неприступных местах.

Я леденею от ужаса. Что он имеет в виду? То самое? Он не просто извращенец, он – изверг!

Я поднимаю на него глаза и просяще смотрю.

– Пусти меня, пожалуйста! Влад, умоляю! Я больше так не буду!

– Ха-ха-ха. Это полный провал, Кузьмина! Нет, не работает!

Его взгляд в одно мгновение леденеет и темнеет.

Он хватает меня за руку, тащит из санузла обратно в спальню, я пытаюсь тормозить, упираясь ногами, но он меня в два раза больше. У меня нет никаких шансов на физическое противостояние этой горе мышц.

Скручивает меня и кидает на кровать. Наваливается сверху и начинает водить по мне руками. Грёбаное тело покрывается мурашками. Я их чувствую даже изнутри. Во мне трясётся каждая поджилка от этого ужаса и начинают литься слёзы. Я не могу больше выносить это унижение.

Его лапища приближается к моим шортам. Я замираю, готовясь к тому, что он будет меня щупать там, где никто не щупал. Его рука задерживается на моих ягодицах и он резко стягивает с меня шорты. Трусов на мне нет...

– Влад, умоляю тебя, пусти. Я сделаю всё что угодно, обещаю!

Глава 3

Слёзы обжигают щёки и разъедают кожу, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Что ему надо от меня? Как мне решить эту проблему. В голове одновременно крутится страх, сожаление и тягостное ожидание. Это же я во всём виновата! Я подставила своей глупостью не только себя, но и родителей. Я без малейшего понятия насколько далеко это всё зайдёт... на что он способен?

– Прямо всё? – Хрипло произносит и выгибает бровь.

– Да! Только отпусти меня, пожалуйста!

Он опять смеётся, громко, нагло, прямо мне в ухо. Как же от него кровь в венах стынет. И дело не в обстоятельствах, энергетика такая...

Он подавляет одним своим существованием. Когда смешиваются статус, возможности и такие физические данные, получаются вот такие дементоры.

– Ань, Анечка, – притворно ласково тянет моё имя. А меня эти контрасты просто добивают.

– Такая наивная малышка. Теперь оказывается, что и глупая. Ань, так даже не интересно! Я был уверен, что будет сложнее.

– Пожалуйста! – Продолжаю его молить.

Парень поднимается, перехватывает своей ручищей мои запястья и шлёпает меня по попе. Больно шлёпает. Меня никогда не били, это ужасно! Мои унижения когда-нибудь закончатся?!

– Какой звук! – С удовлетворением произносит засранец.

Шлёпает ещё, я начинаю крутиться и извиваться, как будто смогу увертнуться от его ладоней.

– Да...пожалуй, накину тебе балл за задницу.

И вдруг резко встаёт, отпускает меня и отходит. У меня в этот же момент брызгают слёзы ещё пуще прежнего. Наверное от облегчения. Лежу и не могу пошевелиться. Неужели всё закончилось? Даже если он через мгновение начнёт опять издеваться, я чувствую спасение. Быстро натягиваю шорты и сажусь на кровать.

Он подходит ко мне, протягивают руку к моему лицу, невероятно нежно смахивает слезу и придерживая за подбородок, гладит щёку. Сказать что я в шоке, не сказать ничего. Поднимаю на него взгляд, а он у него тёплый. Он что меня простил? Наигрался и всё? Ну, могло быть и хуже...

– Спасибо, детка, ты лучшая!

Опускается и целует меня в лоб. Я не знаю, что со мной, стресс или стокгольмский синдром, но мне так приятно становится от этой ласки. И я успокаиваюсь, не понимая до конца смысла его слов.

Влад садится ко мне на кровать. Достает айфон, что-то нажимает и поворачивает экраном ко мне.

На дисплее я вижу девушку, лежащую на животе, которую шлёпает мужчина, потом отходит, поправляет брюки, а затем целует и ласкает зарёванную девушку, то есть меня.

Урод! Выглядит всё так, как будто я ему только что сделала блонд-жоб! Какой же урод! У меня опять всё срывается вниз. Лучше бы я ему флешку с сиськами отдала. Я действительно редкостная дура!

– По-моему классно получилось! Отыграла на десятку, Ань. Вышка просто!

Я растерянно на него смотрю. Он натягивает маску и задерживается в проёме.

– Передай маме, что у неё прекрасный вкус. Дом очень красивый! И матрас у тебя пушка! Ну, я погнал. – Подмигивает мне и уходит.

Слышу, что он стремительно спускается по лестнице вниз.
От его энтузиазма мне ещё тяжелее, ведь моя жизнь обрушилась в этот момент.

Глава 4

Собравшись с мыслями, выхожу из комнаты. Обыск идёт у мамы. Её, как жену подозреваемого, обыскивают тщательнее.

Спускаюсь в гостиную, громилы нет, как и ожидалось. Дышится сразу иначе. Он как будто весь воздух поглощает.

– Почему так долго? – Взволнованно спрашивает меня мама.

– Я убиралась после. Есть какие-то новости?

– Нет. Мне позвонила жена Антраповича, у них тоже обыск. А вот Фёдоров успел улететь к себе на Валдай. Без телефона. Позвони Михаилу спроси, что в офисе. Уже начался рабочий день. Мой телефон тоже забрали.

Ничего не понимаю...

Если обыски ещё и у папиных акционеров, значит, что это не Влад? Или Влад? При чём тут он, как он здесь оказался и как ему удалось натравить налоговую на крупнейший винно-водочный завод страны? Папины боссы, конечно, не такие влиятельные, как его отец. В ближний круг не входят, но всё же. Это уже не шутки.

Звоню папиному водителю по маминой просьбе и спрашиваю, что в офисе. Там тоже обыски. А так же обыски у главного бухгалтера, коммерческого директора компании и некоторых клиентов. Серьёзная проблема.

Мы продолжаем сидеть на диване под присмотром, пока дом обыскивают. Они и в подвал залезли, хотя там, кроме летней мебели и разного барахла, ничего нет. Осматривают наши машины и даже патио.

На учёбу мы естественно не едем. Где-то к двум часам, они сообщают, что забирают папу в следственный комитет. Он попросил принять душ и даже в душе его конвоировали с открытой дверью.

В чате нашего коттеджного посёлка мы сегодня главные звёзды. Все фотографируют нашу входную группу. С автобусом ОМОН-а и конвоем у ворот.

Кто-то шутит в чате: «Счастье – это когда ты летом лежишь у бассейна своего загородного дома на Новой Риге, к тебе врывается ОМОН, крутит тебя и спрашивает: «Лесная, 15?», а у тебя 14». Усмехаюсь, а это забавно. И актуально. Я скриню, аккуратно фотографирую нашу «весёлую компанию» и выкладываю фото со анекдотом в свой телеграм-канал. Я не покажу этому придурку своё отчаяние!

Рассказываю маме новости. У мамы начинают ещё больше трястись руки. Она очень переживает. И не может собраться. А я как-то мобилизовалась. Надо понять, что грозит папе, а самое главное за что, а потом уже рефлексировать.

– Мам, может Юле Вороновой позвонить? Мы подписаны друг на друга, я ей сейчас напишу.

– Не удобно...

– Я просто расскажу.

– Пиши. И принеси мне воды, пожалуйста. И корвалола.

А с Вороновых всё и началось. Юлия Воронова жена Александра Воронова. Он губернатор одного из ближайших регионов. Они с моим папой вместе защищали кандидатскую в нашей академии, а потом он позвал папу на должность генерального директора своего завода. Через какое-то время он оставил бизнес своим детям, а сам занялся политикой. А папа перешёл на аналогичную должность в другую отрасль. Но добрые отношения у нас сохранились, хоть из-за его занятости мы и не видимся особо. Но от одного только знания, что мой папа его хороший друг живётся спокойнее.

Три месяца назад, на новогодние праздники мы решили съездить в Санкт-Петербург и посмотреть Щелкунчика. В Большой не попасть, а так заодно и культурную столицу навести. Остановились мы в отеле Four seasons и за завтраком папа увидел Александра и Юлию. Весь отель наблюдал, как губернатор с кем-то перекрикивался, а потом и обнимался. Но когда они присоединились к нам за стол, все опустили головы в свои тарелки.

– Ну, что, ребятки, рассказывайте, как учёба? В нашу альма-матер поступили? – Начал с нами типичную светскую беседу губернатор.

Мы с братом близнецы, не однойцевые, поэтому не очень похожи, но учимся, естественно, вместе, но на разных факультетах.

– Да, я пошёл по папиным стопам. Высшая школа корпоративного управления. А Аня мечтает на Собянина работать, поэтому выбрала Институт государственной службы и управления, – рассказывал мой брат.

– А...так ты с Владом Ананьевским вместе учишься? – Обратился ко мне Александр Валерьевич.

– Не знаю такого, у нас большой поток.

– Ну как же...Сын Константина Ананьевского. СЕВРУСТАЛЬ. Тоже учится на первом курсе государственного управления. Вот недавно виделись, рассказывал.

– Мы не знаем, – пожимали плечами.

– Да ладно, знаете, конечно. Высоченный такой, больше двух метров, богатырь настоящий, да ещё и Ананьевский. Думал, все знают.

– Есть такой один. Не помню, как зовут, но фамилия Курдюмов. На уресе чёрном ездит, да, Дань? – Спросила у брата.

– Да. Он реально Влад, – подтвердил мои догадки Даня.

– Ну, на чём ездит я не знаю. Да и какой Курдюмов. Путаете что-то, – махнул рукой губернатор.

Мы дали понять, что всё-таки не знаем его знакомого и он переключился на обсуждения с папой своих дел.

Я быстро зашла в интернет и пробила Влада Ананьевского. Искала социальные сети, упоминания в СМИ, но ничего. Только обнаружила наличие у одного из богатейших людей нашей страны сына Владислава. Он старше меня на полгода, что вполне подходит. Но возможно, он учится в МГУ, а Воронов ошибся.

Я продолжала просматривать сухие сводки и на второй странице увидела статью в журнале Tatler. Оказалось, что это была фотосессия жены Ананьевского с детьми в их новом доме, если можно так выразиться в отношении дворца площадью пять тысяч квадратных метров.

Я внимательно рассматривала одного из мальчиков, одетого в милый свитер Polo Ralph Lauren с изображением мишки. Мне показалось, что у него те же небесно-голубые глаза и выдающиеся углы челюсти, что и у моего сокурсника. Это был красивый ребёнок, и я подумала, что он может вырасти в такого же красивого парня. Это определённо был Курдюмов, а точнее, Ананьевский. Всё стало ясно. Теперь понятно, почему он так себя ведёт. А мы все пытались угадать, кто он такой.

Удовлетворённо закрыв вкладки, я подумала: тот, кто владеет информацией, владеет миром.

Глава 5

Буквально через несколько недель после встречи с губернатором судьба нас всё-таки свела с Владом Ананьевским. И я увидела его «во всей красе» из первого ряда. На пересдаче зачёта по информационным технологиям мы оказались вдвоем из всего нашего потока.

Вообще учёба даётся мне легко. Но родители и репетиторы предупреждали, что основная проблема первокурсников в невозможности перестроиться со школьной системы. Вот и я попала в эту ловушку. На одном из первых занятий, когда мы проходили Photoshop и нам дали на ретушь фото, я взяла себе девушку с веснушками и показала преподу её же, но уже с фарфоровой кожей. Увидев исходник, он ахнул и запомнил меня. Я думала, что можно расслабиться, а он наоборот начал ждать от меня больше результатов. Потом я несколько раз пропустила занятия из-за сумасшедшего снегопада и недобрала баллов до допуска. Долго возилась с досдачами и пропустила первый зачёт.

Сразу после праздников пришлось побегать и понервничать. В итоге на пересдаче я оказалась вдвоём с Владом Ананьевским. Препод дал мне занятие по Excel, зная, что в графических программах я сильна, а здесь плаваю. И я сидела до победного, делая сводную таблицу.

А этот Влад весь зачёт пререкался с преподавателем, то у него компьютер тормознутый, то мышка не та. Задание описано тоже странно. Вёл себя, как капризный принц. Не можешь сделать, иди на пересдачу, зачем мозги выносить. Да ещё и меня отвлекал. Глаза и так плыли от бесконечных строк, а он возмущался и возмущался.

В итоге препод к нему подошёл к первому. Быстро просмотрел и сказал, что он совсем в материале не ориентируется. Припоминал пропуски и всё-такое.

И тут капризный громила включил мажора в самом плохом смысле этого слова. Встал из-за стола, опёрся бедрами о него, расставил широко свои длиннющие и крепкие ноги и с позиции силы начал давить на препода.

– Александр Николаевич, согласитесь, что всем будет лучше, если вы мне поставите зачёт и мы разойдёмся. Я так понимаю, что во втором семестре вашей дисциплины не будет.

– Влад, вы совершенно меня не слышите. Давайте я приму Кузьмину, а вы пока подумаете над заданием. Или я вас отправляю на пересдачу с комиссией.

– Александр Николаевич, ни вам, ни мне комиссия не нужна.

– А меня на ней и не будет.

– Я про другую комиссию. Поинтересуйтесь у Кудрявцева на досуге.

Я сидела в шоке. Он совсем охамел? Александр Николаевич абсолютно справедливый и понимающий преподаватель. Образцовый просто, а он ему угрожал ректором и какой-то комиссией уже в отношении самого преподавателя? Мне же не послышалось? И говорил это так уверенно, абсолютно не стыдясь своего положения.

Я мельком взглянула на Александра Николаевича и увидела, как он побледнел, а лоб покрылся испариной. А мажор так и стоял с видом, что он нам сделал одолжение своим присутствием.

Преподаватель сказал дать ему зачётку и проставил зачёт.

– Рад, что вы приняли верное решение, – кинул небрежно мажор, выходя из аудитории, вместо того, чтобы поблагодарить.

Когда мне Воронов рассказал про Ананьевского, я почитала про его отца. Он довольно молод для такого состояния и заработал его благодаря своему уму и эффективнейшему менеджменту. Я тогда им восхитилась. Никогда не было каких-то скандалов, нет мегаяхт и зарубежной недвижимости. Много благотворительных проектов. Всю жизнь живёт с одной женщиной. Да, она модель, от того и рост у Влада немыслимый. Но что странного, что состоятельный молодой и красивый человек влюбился в успешную модель. Мезальянса в их паре

нет. Приятно смотреть. Они создают самые положительные впечатления в отличие от многих подобных семей.

Я не из тех людей, кто считает, что миллиардеры и олигархи как-то легко разбогатели, а сами тупоголовые. Нет. Я с детства видела папиных акционеров и как-то лет в шестнадцать поняла чем он от них отличается. Мой папа умница, у него высокая должность, он образцовый менеджер, но рисковать он опасается. Даже телеграм-канал мне не советовал вести и не верит, что я смогу заработать на нём. Рискуют владельцы и, как минимум наглость, дерзость и смелость у них есть всегда. И это очень ощущается. Они действительно сильные мира сего. У Ананьевского старшего же ко всему этому, видимо, есть и недюжинный ум. А потому я очень удивилась такому поведению его наследника.

Александр Николаевич принимал у меня зачёт явно расстроенным. Особо ничего не проверял, поставил зачёт и отпустил. Я вышла невозможно возмущенной и с чувством дикой несправедливости. Хотелось рвать и метать. Я ещё сидела и думала, дойти ли до Парка Фудхолла перекусить, а потом написать пост о нём, но решила, что медлить не надо. Зашла в телеграм и написала : «Сын олигарха Ананьевского скромно учится в Президентской Академии инкогнито под фамилией Курдюмов. Однако, это совершенно не мешает ему угрожать преподавателям и получать зачёты автоматом. Константину Юрьевичу стоило больше внимания уделять воспитанию отпрыска, а не освоению недр нашей Великой и Могучей.

Глава 6

Я не успела доехать до дома, как мой телеграм взорвался. Сначала меня репостнул студенческий канал, а оттуда уже кто-то прислал в Mash. Когда они выложили, случился апокалипсис. Даже сетка каналов Собчак репостнула. Они написали мне и попросили комментарий. Мои одиннадцать тысяч подписчиков, которых я собирала три года, пополнились на двадцать тысяч за четыре часа. Я была в эйфории. Не вылезала из комментариев, перечитывала репосты, публиковала похожие истории с другими влиятельными и привилегированными детками. Я запустила тренд на обличение мажоров. Наконец-то почувствовала себя реализованной и полезной.

Утром я поехала на консультацию перед первым экзаменом, но так там и не появилась.

Когда я уже вылезала из машины на парковке, меня настиг Ананьевский.

– Надо поговорить, – вжал меня в водительскую дверь. Навис сверху. Взгляд пробирающий до костей. Желваки ходят. Даже ноздри раздуваются. Самец в ярости.

Я лишь показала взглядом на салон машины. Это моя территория. Мне так комфортнее.

Резко обошёл капот и сел на пассажирское. Он такой огромный, что совершенно нелепо смотрелся в моей не такой уж и маленькой машине. Он в моём «Макане», как взрослый, решивший прокатиться на детском электронно управляемом автомобиле. Между нами не было дистанции. Воздух испарился. То ли я чувствовала животный страх перед ним, то ли он весь его поглотил. И это он ещё ничего не сказал.

– У меня консультация в половину двенадцатого, так что давай быстрее.

– Здесь я говорю, – холодно отчеканил.

Хорошо, что я не пила в тот момент. Поперхнулась бы. Откуда в восемнадцатилетнем парне такая манера? Отцу подражает? Но это же нелепо...

– Прости?

– С этого бы и начинала. Но нет. Ты заигралась, Кузьмина. Последствия необратимы.

– Не очень понимаю, о чём ты, – я на него не смотрела, боялась и чувствовала себя какой-то ничтожной. Сосредоточилась на своих пальцах, осматривала маникюр, крутила кольца, это меня успокаивало.

– Я не знаю, какие у тебя мотивы. Тебе Локманов зачёт не поставил или что? Но своей детской выходкой ты поставила под удар регионообразующее предприятие.

– Что? – Подняла на него взгляд и не могла уловить суть. Слышала только ледяной тон и чувствовала себя идиоткой, а он всем видом это доказывал.

– И ты ещё хочешь в мэрии стажироваться? Забудь. Я тебе гарантирую, что тебе теперь закрыт путь в любые государственные структуры, корпорации. Всё, что тебе остаётся, это вести никому не нужный паблик. Ты ненадёжна и глупа до смешного, – он как будто ещё больше увеличился в размерах после этой речи. Я неосознанно вжималась в дверь, чтобы хоть как-то от него отдалиться.

Я просто смотрела и хлопала ресницами. Ничего не могла возразить.

– Ты, наверное, очень горда собой и своим каналом. Яна, твои новости разнесли только каналы из сетки наших конкурентов. Ты же в курсе, что РосМедиа групп принадлежит нашей семье? Ты вызвала атаку на мою семью. Ты позарилась на мою репутацию. Один необдуманный шаг... Ты сама себе испортила жизнь, Яна.

– Я Аня, – это всё, что я смогла тогда выдать из себя.

Он посмотрел на меня, как на полное ничтожество.

– И ты думаешь, что спасла своего никому не нужного препода? Нет. Ты поставила под удар семьдесят пять тысяч сотрудников. Города с общим населением более миллиона. Всё, конечно, уладили, постов больше нет, как и твоего канала. Но дура ты редкостная, Яна!

– Аня!

Мажор дёрнулся ко мне, схватил за плечи и пристально смотрел.

– Дура редкостная, я сказал! – процедил медленно и ещё более холодно, а потом отпустил меня, вылез из машины и хлопнул дверью так, что я подумала, что она треснет пополам.

Я схватилась за руль и судорожно дышала. Я всё ещё ощущала его дыхание на своих губах. Его парфюм в моей машине. И самое главное – невозможный холод. Как будто он питается теплом других. Опустошающая энергетика. Может, Александр Николаевич тоже это почувствовал и решил скорее от него избавиться, а не испугался? Объективно красивый внешне и ужасающий внутри. Прекрасный до ужаса...

Залезла в телефон, а зайти в свой канал уже не смогла. «Чёрт! Чёрт! Чёрт! Дура!» – крутилось в голове.

Мой друг айтишник помог мне восстановить доступ к каналу за неделю. А Влад пропал из академии. Говорили, что его отчислили. По крайней мере в базе его больше не было. И я самонадеянно расслабилась...

Глава 7

На Ленинском бордовая пробка. Сегодня семинар у Стоянова – нашего декана, а к нему опаздывать нельзя.

Открываю разговорчики Яндекс, понимаю, что здесь мне ловить нечего и начинаю соображать куда съехать, чтобы оставить машину и прыгнуть в метро. Нахожу подходящую парковку и поворачиваю на дублёр.

Ну, всё, теперь точно опоздаю...

Меня тормозят ДПС, проверяют документы и просят пройти с ними в фургон. Медицинского освидетельствования мне до полного счастья и не хватало. Раздвигают дверь и я теряю дар речи, хватаю воздух, как рыба. Там сидит Влад Ананьевский собственной персоной. И сегодня он не в форме ОМОНа, а в лучших традициях олд мани весь в Logo Piana. Я прекрасно осознаю, что меня сейчас ждёт очередной удар, но почему-то хочется сделать ему комплимент. Ужасно красивый...

Но я больше не дам ему себя унижать и нападаю первой.

– Влад, какая карьера. Из студента Президентской академии в бойца ОМОНа, теперь ты ДПСник? Что будет завтра? Устроишься на КПП в мой посёлок?

Мажор смотрит на меня, как на ошибку природы и холодно приказывает сесть.

– Яна, твоя тупость мне очень дорого обошлась. Предлагаю тебе загладить свою вину. Прямо сейчас.

– Я Аня! И я опаздываю на пару к Стоянову.

Мажор лишь закатывает свои ледяные глаза.

– Не суть. У тебя нет выбора. Я сейчас выложу наше с тобой пикантное видео и в твоей учёбе не будет смысла.

Я сглатываю слюну. Меня бросает в холодный пот. Я понимала, что он воспользуется этим видео, но не могла понять, когда и как.

– Это фейк, а не пикантное видео. Я выпущу опровержение. Ещё и в СБ пожалуюсь, пусть вас всех проверят.

Мажор начинает гортанно хохотать. Всем видом показывает, как я его забавляю. Придумок. Я не лыком шитая, найду способ его потопить...

Он резко прекращает смеяться, быстро вскакивает, я даже опомниться не успеваю. Хватает меня за затылок, резко фиксирует. Глаза сужаются, скулы напрягаются так, что кажется, что зубы сейчас треснут. Чувствую его дыхание.

– Ты просто фееричная дура, раз не понимаешь масштаб происходящего. Слушай внимательно и считай. Отец должен был нам с братом в апреле передать шестьдесят процентов акций холдинга. Это сорок миллиардов долларов. Пополам. Но из-за твоей выходки мне хотят передать лишь пятнадцать процентов. Ты думаешь, что никому ненужный зачёт стоит десять миллиардов долларов?

В голове быстро крутятся числа, суммы, но я и сотой части представить не могу. Только сейчас я до конца понимаю куда вляпалась по своей дурости.

– И как хоум видео вернёт тебе десять миллиардов? – Неуверенно блею.

Мажор резко отпускает меня и садится обратно, широко расставив ноги. А я и так понимаю, кто здесь главный.

– Никак. Это рычаг управления тобой. Отец считает, что я не справляюсь в критических ситуациях, а потому не готов. Я её решу, а ты посодействуешь.

– Что мне надо сделать?

– Сначала ты записываешь видео опровержение и говоришь, что наврала про мои угрозы преподу. Придумай там что-нибудь девчачье. Дальше мы едем к моему отцу, я представляю

тебя, как свою пассивность, а ты ему рассказываешь, что обиделась и оболгала меня. Вот только без моих косяков. Он не любит, когда женщин обижают. Сама придумала, сама обиделась. Делаем вид, что в отношениях до передачи акций, потом свободна.

В принципе приемлемо. Все в выигрыше. Только придется терпеть этого изверга.

– Хорошо. Я всё сделаю. Я могу ехать на пару?

– Бля, что же ты так тупишь. Нет, мы едем к отцу, я уже сказал.

– Хорошо. Я на своей. Говори адрес.

– Аня, мы едем во Внуково и летим в Петрозаводск.

– Петрозаводск? Это на Урале?

– Это республика Карелия. Ты меня разочаровываешь всё больше. Машину здесь оставишь. Давай, опаздываем.

Мажор, не смотря на меня, вылезает из фургона.

Я сижу шокированная, быстро набираю смс брату, чтобы прикрыл меня.

Глава 8

Вылезая из фургона следом за громилой.

– Поздравляем, Анна! – говорит инспектор ДПС со смущённой улыбкой.

– Спасибо, – я в полнейшем недоумении его благодарю и смотрю на громилу.

– Бери всё, что нужно из машины и пошли. Не люблю задерживаться.

Я не понимаю, это мажор, который Word не освоил или президент? Вымораживает эта манера...

– Почему он меня поздравил?

– Я сказал, что хочу сделать девушке предложение и они позволили таким способом.

То есть он это всё замутил находчивостью, а не с помощью связей? Хотя, он может ничего и не говорить, по нему и так всё понятно.

– А машину куда? – Неуверенно спрашиваю. Бесит, я ему ещё и поддаю. Чувствую себя зависимой и обязанной.

– Ключи водителю отдашь, отгонит куда скажешь.

– Ладно. А у меня ОСАГО только на меня.

Он опять смотрит на меня, как на идиотку. Беру сумку, документы и хлопаю дверь. Хоть куда-то надо выместить это раздражение.

– Пошли, – небрежно кидает мне.

Я не поспеваю за ним, один его шаг, как три моих. Я люблю ходьбу и стараюсь проходить пятнадцать тысяч шагов быстрым темпом каждый день. Даже завидую ему, он наверное километр за пять минут проходит с такими длинными ногами. Он направляется в подземный переход под Ленинским. Я стараюсь не отстать от него и мне приходится бежать. Зачем ему в переход? Он здесь выше всех на две головы. А ещё богаче на миллион жизней. От этого осознания поражаюсь судьбе.

Мы поднимаемся на другой стороне, куда ведёт дорога в сторону области. И до меня доходит...

На дороге стоит Аурус Сенат. Ну, ещё бы. Это мы ездим на S-классе. А ближний круг поддерживает отечественное производство. Это даже не Rolls Royce. Водитель открывает нам двери. Осматриваюсь. Круто, даже не ожидала. Кому расскажу, не поверят, что я на аурусе Ананьевских каталась.

– А почему не твой Urus? – Спрашиваю с иронией Влада, надо же как-то эту атмосферу разрядить.

Опять смотрит на меня, как на дуру. Понимаю, что это время с ним будет не просто неприятным, оно будет отвратительным. Он невыносим.

– Во Внуково? – Спрашивает водитель.

– Нет, Борь. В Графские пруды, это по Киевке дальше, девушке надо собраться в поездку. И её машину потом туда отгони.

Мы выезжаем на Киевское шоссе. Смотрю на Ананьевского, утыкается в свой телефон, на меня ноль внимания. Ну, и хорошо, отворачиваюсь к окну.

Перед съездом с шоссе, опять слышу этот ледяной голос и тон, не терпящий возражений.

– Положи руку на подлокотник и сними наши руки.

– Чего? Это ещё зачем?

– Выложишь к себе в сторис. Сокурсники разнесут. Меня узнают по часам. И новости пойдут впереди нас. Давай. Потом выпустишь опровержение по зачёту. Но там мои люди подскажут, как лучше сделать.

Его люди... Закатываю глаза и достаю телефон.

Кладём руки на подлокотник и пытаемся снять, как у всех парочек. Его рука ледяная. Он поглаживает большим пальцем мою кисть. На видео это мило. А мне жутко. И эти мурашки, которые меня постоянно сопровождают в его присутствии.

Как получается удивительный результат, он брезгливо расцепляет руки. И опять утыкается в свой телефон.

– Мне надо что-то писать?

– Ну, напиши что-то ваше ванильное.

Что я должна написать, «с милым рай в шалаше»? ?

Ставлю эмодзи чёрного сердца и выкладываю. Узнают его по часам... бесит.

– Борис, скажите номер машины, я оформлю пропуск на наше КПП, – обращаюсь к водителю.

– Не надо ничего, пропустят, – раздражённо отвечает за него мажор.

Подъезжаем к шлагбауму моего посёлка. Не открывают. Выходит охранник, подбегает к водителю и говорит, что пропуска нет.

Выкусил, придурок. Демонстративно смотрю в окно. Пусть сам разбирается, я пальцем не пошевелю.

– Аня, оформи пропуск.

Хах, вспомнил имя. Я думала, что раздражать больше он не может. Оказывается может. А это ещё даже не ПМС.

Достаю телефон, открываю приложение для выписки пропуска и смотрю на него с ожиданием информации.

– Давай, я введу.

– Я тебе свой телефон не дам. Борис, введите, пожалуйста, – протягиваю телефон водителю.

Бровь мажора летит к росту линии волос. Надо же! У него есть эмоции.

Подъезжаем к моему дому.

– Я быстро. Там холодно?

– На пару градусов холоднее. Я с тобой, – опять произносит тоном не терпящим возражений.

А что я маме скажу?

– Ты сегодня перепрыгнешь через забор или тебе открыть ворота? – С вызовом смотрю на него. Мы тогда посмотрели записи с камер. Они перепрыгнули через двухметровый забор.

Мажор смеётся. Свершилось!

– Иди давай, – произносит уже иронично.

Я прохожу в разезжающие ворота, он пропускает меня вперёд и шлёпает меня по попе. Он охренел? Возмущённо разворачиваюсь и забываю зачем. Борис идёт за нами и несёт огромную корзину нежно-розовых роз. Гигантскую.

– Это что?

– Так надо.

Так надо? Он нормально разговаривать вообще умеет?!

Открываю дверь. Запускаю эту процессию в холл. Выбегает мама, услышав движение в доме.

– Добрый день! Анюта, что случилось? Почему вернулась?

– Мам, это Влад. Ну, тот, помнишь?

– Здравствуй, Влад! Я Елена Андреевна. Вы сокурсник Анечкин, да? Нам про вас рассказывали. Очень приятно теперь познакомиться!

– Да, мы встречаемся. Мне тоже очень приятно, Елена Андреевна! Это вам! – Он кивком указывает Борису вручить цветы.

Мама смотрит на меня с застывшим «О» на её губах.

- Какая красота. Спасибо! Сюда поставьте.
- А кто рассказывал? – Продолжает диалог мажор.
- Воронов Александр Валерьевич. Хотите кофе? Чай?
- Я бы выпил воды, спасибо.

Мама убегает на кухню, оборачивается на меня и глазами показывает, что она в шоке.

Я сама в шоке. Встречаемся? Мы так не договаривались! Может он лучше ей скажет, как он три дня назад в гости приходил?

– Так , значит, Воронов. Ладно, значит, не заказ всё-таки, – как будто сам себе говорит громила, – иди собирайся. У тебя десять минут.

Через десять минут я спускаюсь с чемоданом ручной клади. Надеюсь, что он ничего не наговорил маме. А я в уведомлениях увидела , что мои сторис скриншотили самые крутые девочки академии. Умный он, не смотря на Word.

– Собралась?

– Да.

– Выкладывай все гаджеты и телефон. Здесь всё оставишь.

– В смысле?

– Я твоей маме сказал, что мы едем в нашу резиденцию и там нет связи. Но мы обменялись номерами, всё под контролем. А тебе я не доверяю. Полетишь чистая.

Резиденция? Чистая? Во что я вляпалась?

Глава 9

– Даже айпад нельзя? А если мне скучно будет?

– Не будет, – чеканит безэмоционально.

Я закатываю глаза, громко вздыхаю и иду к маме попрощаться.

– Аня, ты могла предупредить? Я бы в порядок себя привела. Как давно у вас?

– Мам, он перегибает. Мы не встречаемся.

– Как перегибает? Не встречаетесь? – Мама это так произносит, как будто я ей сказала, что мне осталось жить три дня. Да, трагедия, дочь всё-таки не встречается с сыном олигарха...

– Мам, не начинай. Всё, давай. Позвоню, как прилечу. Надеюсь, – поправляю себя. Вдруг он мне не даст позвонить. Изверг.

– Вечно маме ничего рассказывать не хотите, – мама картинно вздыхает. На самом деле мне кажется, что она уже не знает, как нас выпроводить, чтобы обзвонить всех подруг.

Идёт проводить меня, и тут я натываюсь на взгляд мальчика-зайчика. Он ещё и притворщик! Мама закрывает дверь, взяв с него слово, что он приедет на ужин в пятницу. Вот если бы я вовремя разобралась с Excel, ничего бы этого не было. Так детей и надо мотивировать...

– Зачем ты сказал маме, что мы встречаемся? Она сейчас всем раструбит! – Мне кажется, что я его сейчас разорвать готова. Мне плевать на все видео и угрозы. Я как представлю, как потом мамыны гламурные подружки будут вздыхать и меня жалеть, так мутить начинает. Эти наигранные вздохи, сочувствующие взгляды.

– Мы встречаемся, Яна. Вбей себе это и работай. Десять миллиардов. Не забывай.

– Имя моё запомни, бойфренд! – Шиплю на него.

– Ты какая-то нервная, – говорит это так, как будто у меня нет ни одного повода для нервов, а потом и вовсе тянется к моей коленке и сжимает её, – всё хорошо, выдыхай. Ты не голодная?

Я округляю глаза. У него даже взгляд мягкий. Если бы я не знала, как он мне угрожал час назад, подумала бы, что мы действительно пара...

Это мой шанс, пока он мягкий.

– Влад?

– Да? – Поднимает на меня взгляд из-под ресниц.

– Зачем ты моему папе и его компании создал проблемы, когда мог только мне? Он же не виноват, – стараюсь произнести не с укором, а с желанием понять.

– Аня, я тут ни при чём. Я только узнал, что у всего менеджмента компании будут обыски и допрос.

– Не ты? А как ты узнал?

– Нет. Это «Водпром» копает. У нас есть каналы. Мы вас пробрили после твоей выходки, поэтому я знал.

– Как пробрили?

– Стандартная процедура.

Да... почему-то я думала, что он просто сын богатого папы, капризный и избалованный, несерьёзный. И вообще не думала о серьёзности своих действий. А тут нас пробивают и следят...

– А как тебе разрешили это всё?

– Благодаря тебе. Меня отчислили из академии за дисциплинарное нарушение. Я не стал разбираться даже. Отец это не проигнорировал естественно, и наш начальник СБ устроил меня к своему товарищу в мобильный отряд. Наказание такое. Уже два месяца учусь, еще месяц остался. Но акции я получу и данное мероприятие закончится. Мне сообщили о вас, я попросился в команду. Практика типа... Всё просто, Ань.

Да, элементарно, диву даюсь, вот это воспитание у них в семье. Мой брат бы из дома сбежал, а Влад об этом даже с гордостью по-моему говорит.

– Ясно, – говорю растерянно, потому что больше не знаю, что сказать.

– А вечером твой отец ужинал дома уже из-за меня. Всё уладится, разберутся. Не переживай. А вот тебя проучить надо было, Кузьмина! – Говорит всё это так непринуждённо, как будто мы фильм обсуждаем.

– Ты посодействовал?

– Да. Пошли.

Я должна сказать спасибо? Какой он противоречивый, ужас просто.

Замечаю, что мы уже во Внуково-3. Борис открывает нам поочерёдно двери.

Громила берёт багаж и заходит в терминал. Эти маленькие чемоданчики на фоне его комплекции выглядят комично. Учитывая то, что я взяла розовый. Специально. Хотя... никто не будет смотреть на мой розовый «Самсонит». Я первый раз обращаю внимание на его ягоды. Черт, Ананьевский. Он выиграл всю эту жизнь в лотерею просто...

Поспеваю за ним. Он просит у меня паспорт, отдаёт наши документы.

– Подойди ко мне ближе, – строго говорит.

Я закатываю глаза и выполняю приказ Его сиятельства. Отмечаю, что он пахнет моими любимым парфюмом. *Come de garçon Amazingreen*. Его подарили моему брату, но я забрала. У Влада хороший вкус. И не избито. И по возрасту, в отличии от речей. Мысленно тоже накидываю ему один балл. И за ягоды один. Так уж и быть.

– Да начнётся игра, – произносит Ананьевский тихо, склоняясь ко мне. И пока я пытаюсь понять, к чему это, он меня притягивает к себе и целует.

Глава 10

Его губы горячие, он вкусный. Нет. Он очень вкусный. Я была уверена, что его язык и губы такие же ледяные, как и его глаза. Обжигающие холодом, как его руки. Ошиблась...

Он нежно и медленно меня целует, словно проверяет меня. Осторожно. Притягивает к себе ближе.

Отстраняется от моих губ. Уже всё закончилось? Это было даже неожиданно приятно.

Сбрасывает с меня капюшон худи. И тут...

Снова его губы накрывают мои. Я теряюсь. Он больше не осторожен.

Пытаюсь отстраниться. Я не ожидала, что его язык ворвётся в мой рот. Он его штурмует так же, как мой дом несколько дней назад.

Это действительно настоящий штурм...

Его рука скользит от моей спины к голове, зарывается в волосы и фиксирует меня своей огромной ладонью.

Я вся в его власти. Он слишком близко. Его слишком много.

Голова кружится. Его вкус, его запах. Это мокрый хвойный лес сразу после дождя. Его огромное каменное тело, которое совсем не ледяное. Я чувствую даже через свой худи его жар. Голова кружится. Сердце вот-вот выпрыгнет.

Он требовательный. Его язык влажный и горячий, но такой же нетерпящий возражений, как и его хозяин. И я отдаюсь ему... Теряюсь в этом потоке ощущений.

Он терзает мои губы так же, как и мои нервы.

Я привстаю на мысочки, чтобы быть ещё ближе к нему, наконец пристраиваю свои руки на его широчайшей спине, подаюсь навстречу.

Мы сливаемся воедино.

Влад резко отстраняется, а я еле стою на ногах. Он одной рукой меня продолжает обнимать, а второй что-то показывает. Кому-то...

Подходит Борис, передаёт Ананьевскому айфон и говорит, что вышло всё прекрасно. Желает нам лёгкого полёта и удаляется.

Что вышло прекрасно? Голова отказывается думать. Вижу, как Влад что-то делает в телефоне.

Наконец начинает доходить.

– И что это было? – Требую объяснений.

– Наши технологи решили, что тебе не нужно записывать опровержение. Это бы выглядело как давление. Сказали, что нужно слить наш поцелуй из аэропорта. Этого более чем достаточно.

– И куда это сольют?

– В бабскую курилку.

– Это канал такой?

– Ты его не знаешь?

– Первый раз слышу.

– Каждая девушка хотела бы там засветиться.

– Но я не каждая! – Возмущенно заявляю.

– Разумеется, Кузьмина.

Он разворачивается ко мне спиной и делает рукой сжимающий жест. Это что такое? Я должна его за руку взять? Неуверенно беру его за руку, и он меня ведёт, нет, даже волочит к зоне вылета. А я только и думаю, что об Excel. К маминим подружкам прибавилась какая-то курилка, и все будут меня полоскать. А Влад неизвестно ещё что сделает для своих интересов...

Я в каком-то забытье и из своих мыслей выныриваю только, когда мы уже поднимаемся в самолёт. Он крохотный. Чуть больше V-class. Это какая-то летающая машина, а не джет. Да, красивый белый салон, рыжие кожаные кресла. Столик из редкого дерева, но у Ананьевских я ожидала другого.

– Он такой маленький, компактный, – с удивлением произношу.

– Да, нам же чуть больше часа лететь, – объясняет мне, как маленькой, – а ты что хотела? Airbus A380?

Влад искренне смеётся. Красиво смеётся.

– И нет комнаты отдыха? Спрашиваю, располагаясь в кресле. Их здесь всего четыре. И небольшой диван.

– Нет. А зачем тебе комната отдыха? В Mile High Club* захотела вступить?

– А что это за клуб?

– Узнаешь, когда в Норильск полетим. Влад произносит это с такой ухмылкой, что мне хочется в Норильск, хотя я понятия не имею, что там за клуб...

Он садится в кресло напротив меня и продолжает над чем-то угорать. Чувствую какой-то подвох, но не могу не отметить, что смена его настроения ему к лицу. Даже глаза посерели, нет больше этого ледяного холода. И у него красивая улыбка, которая преображает его лицо. Жёсткий и дерзкий мужчина превращается в очаровательного парня в один момент. Ладно, может и не такое ужасное будет наше путешествие и соглашение в целом.

– Ань, – вырывает голос Ананьевского меня из потока мыслей.

– Да?

– Что будешь пить? Не против, если поедим уже дома?

– Не против. Колу без сахара?

– Ты летать боишься? Почему загруженная? Он даже спрашивает это как будто с искренней заботой. Но я окончательно запуталась в нём.

– Нет, я не хочу, чтобы меня все обсуждали. А теперь точно будут. Что-нибудь раскапывать начнут.

– Подружкам есть что слить? Мы проследим, не парься.

– Нет. У меня нет подруг.

– Вообще?

– Вообще.

Я хочу сменить тему этого разговора. Всё равно я ничего не контролирую. Даже не смогу в ближайшее время прочитать эти посты.

– А когда мы вернёмся?

– Завтра вечером.

– У вас дом в Петрозаводске?

– Нет, увидишь.

Мажор загадочно улыбается. Вообще всё его настроение резко сменилось, и теперь я здесь лёд.

От напряжения я засыпаю, просыпаюсь уже во время приземления. Уже стемнело, и мне ничего не видно в иллюминатор. Нас встречают, мы пересаживаемся во внедорожник, но едем всего несколько минут. Он подъезжает к вертолётной площадке.

– Теперь вертолёт? – Ошарашенно спрашиваю.

На частном джете я летала до этого. Папин акционер прислал за нами самолёт, чтобы мы из Италии прилетели во Францию к нему на день рождения. А вот на вертолёте я не летала. И выглядит он как-то стрёмно.

Очень шумно. Мои «Эйрподс Макс» мне быгодились.

Вертолёт внутри совсем не шикарный. Он скорее похож на транспорт МЧС.

Влад объясняет, что так безопаснее. Здесь суровая погода. Наконец мне вручают наушники. Полёт мне не нравится, мне страшно и некомфортно. А в окно ничего невозможно разглядеть. Мы летим минут тридцать, кажушиеся вечностью. Наконец начинаем садиться.

Я вижу кое-где огоньки. Но вокруг ничего. Их «резиденция» находится у чёрта на куличках. Как-то тревожно.

Из вертолётa опять пересаживаемся во внедорожник и через пару минут въезжаем на освящённую территорию. Да... Это действительно резиденция. Словом «дача» язык не повернётся назвать эту территорию и этот дом.

– А зачем мы летели на самолёте и вертолёте, если Кусково в Новогиреево находится?

Влад начинает ржать в голос. У него даже слёзы брызгают. Наконец он успокаивается и берёт меня за руку.

– А ты мне нравишься, Кузьмина, – неожиданно говорит.

* «Mile high club/Майл хай клуб» на сленге обозначаются люди, имевшие половой акт на борту самолета во время полета.

Глава 11

– Не могу сказать того же про тебя, Ананьевский! – Выдёргиваю руку и гордо поднимаюсь по лестнице, но тут же получаю по заднице. Останавливаюсь, делаю вдох-выдох, готовая взорваться от возмущения, но мне и в этот раз мешают «его люди». Дверь поместья, никак иначе я это жилище назвать не могу, открывается, и оттуда выходит мужчина в костюме с радушной улыбкой.

Влад равняется со мной, опять берёт за руку и склоняется к моему уху. – Аня, это наш батлер – Георгий, не болтай при нём и подыгрывай.

– Батлер... чартер... татлер, – я так привыкну, Владислав Константинович. – Я говорил тебе, что ты мне нравишься? – Да, глючишь уже, – я не могу сдержать ухмылку, мне начинает нравиться этот спектакль.

Влад тоже совсем другой сейчас. Наверное, воздух Карелии благотворно влияет.

Дворецкий или батлер Георгий смеряет меня презрительным взглядом и бурчит: «Добро пожаловать, Владислав!» . Что-то невнятное отвечает, когда нас знакомят, забирает чемоданы и удаляется. К моему счастью, больше нас никто не встречал. И мы, как нормальные люди, сами разделись.

– Пойдём, я тебе покажу твою комнату, переоденешься, и пойдём к отцу. Ужинает он обычно в девять. Надо поговорить до. – Хорошо.

Когда мы заходим в жилую часть, я немного теряюсь. В таких жилых домах я не была. Нет, он современнее, чем снаружи, и убранством совсем не напоминает усадьбу. Здесь как в хорошем отеле, и площади аналогичные.

– Можно вопрос? – Спрашиваю, пока мы поднимаемся по лестнице королевских масштабов. – Конечно. – Зачем вам такой дом? У вас тут балы какие-то? – Бывают аукционы, праздники. Но вообще это благотворительный объект. Отец построил его по проекту разрушенной усадьбы. В будущем тут что-нибудь будет социально-значимое. Это не дача, Аня.

И я опять отмечаю, как он переменялся в полёте. Влад открывает передо мной дверь и запускает в мастер-блок. Здесь гостиная, перетекающая в спальню с санузлом и гардеробной. Опять как в отеле. Красиво, сдержанно и очень просторно. Я прохожу к окну и выглядываю, но ничего не видно. Темень, хоть глаз выколи. Значит, я в противоположной от входной группы стороне.

– Я зайду за тобой в половину девятого, – опять строго и без возражений. Как будто мы в казарме, а не в резиденции. – Я должна как-то одеться по-особенному к ужину? – Спрашиваю, чтобы не опростоволоситься. Я понимала, что могут быть разные обстоятельства, и взяла разную одежду на всякий случай. – Да. Дресс-код black tie, – как что-то само собой разумеющееся говорит мажор. – Black tie? У меня нет туфель.

Я растеряна, не думала, что до такой степени всё запротоколировано. Надо было всё-таки читать мамин татлер. Теперь ещё больше нервничаю перед встречей с его отцом.

– Ладно, на первый раз тебе дадут небольшое послабление, – закрывает дверь и уходит. Я бегу к своему чемодану, который уже стоит посередине гардеробной. Блэк тай... Я смогу сделать красивый пучок, но у меня нет декоративной косметики. Хорошо, что взяла с собой шёлковую комбинацию. Мама говорит, что это беспроигрышный вариант. Но до их дресс-кода не дотягивает.

В двадцать минут девятого я уже собрана. Сделала себе низкий пучок, надела графитовую комбинацию, нюдовые мюли. Простовато, но мне идёт. Влад стучит вовремя. Открываю дверь и не понимаю. Мажор стоит в уютном сером спортивном костюме изи слайдах и улыбается мне широчайшей улыбкой. Его подменили?

– А тебе идёт шёлк, Кузьмина. Не розовая пижама, конечно, но пойдёт, – довольный мажор протягивает мне руку и опять делает своё фирменное сжимающее движение. – Ты меня развёл, и дресс-кода нет?

– Каюсь...

Я бы ему сейчас устроила взбучку, но его улыбка меня обескураживает. Как его ледяной взгляд гвоздит к полу, так и улыбка сбивает весь негатив. Вот это талант у человека...

Даю ему руку и позволяю себя вести. Мы опять спускаемся по лестнице и идём в правое крыло, это так вроде называется. Проходим длинный коридор с ответвлениями и дверями и останавливаемся в холле. Понимаю, что мы подошли к кабинету. Я всегда плохо врал. Страшно, но что поделать, надо.

– Эй, не нервничай. Я за тебя всё скажу, тебе нужно только кивать. Смущённо улыбаться ты и так умеешь, – как-то заботливо говорит Ананьевский младший.

Я ему доверительно киваю и снова получаю по попе.

– Ананьевский, ещё раз и получишь по яйцам! – Не расплатишься потом. Они золотые.

Пф. Что он сказал? Серьезно? Нет, придурок всё-таки...

Дверь открывается, и нам предстоит Константин Юрьевич собственной персоной. Тоже в спортивном синем костюме. Вот же засранец. Они обнимаются, потом он представляет меня отцу. Константин сантиметров на десять ниже Влада, но всё равно очень высокий и статный. Намного красивее, чем на фотографиях, и у него такая же очаровывающая улыбка, как и у сына. Вернее, у сына в него. Вроде не страшный совсем.

Он хлопает Влада по спине и говорит, что все разговоры потом, сначала надо поесть. И мы дружно идём в левое крыло. Он у нас спрашивает, как мы долетели, куда завтра поедем. Обычный разговор. Мой папа бы тоже самое спрашивал. Немного расслабляюсь, вполне обычная обстановка. Просто буду думать, что я в отеле.

Мы доходим до высоких двойных дверей, нам их открывают изнутри, и я понимаю, что совсем необычная обстановка. Мы оказываемся в столовой размером больше, чем весь наш первый этаж. Да... здесь бы даже незаметно было «компанию» Влада. Там стоят по стойке смирно помощники по хозяйству во главе с Георгием.

– Мы в малой гостиной посидим, Жор, – мимоходом бросает Ананьевский старший и ведёт нас дальше.

Выдыхаю. Мы минуем столовую, заходим в вполне стандартную загородную гостиную, просто намного больше обычного, и пройдя её до конца, наконец достигаем «малой». Там стоит большой круглый стол у окна. Но он на десять человек. Это приемлемо. Буквально за несколько минут шесть девушек в одинаковой форме его накрывают, мы садимся, и все испаряются.

– Аня, что Вы будете? Влад не любит, но я бы посоветовал попробовать сугудай из местной рыбы. – А я с удовольствием, спасибо. Я люблю такое. – А тартар? – И тартар люблю. – Тебе понравится. А оленину попробуешь? – Конечно. Влад, тебе надо было с меню и начинать, когда звал сюда, – смеюсь и смотрю на Влада. Его папа настолько приятный, что я забываю истинную причину, по которой я здесь оказалась, а главное, как.

Влад меньше участвует в разговоре, чем я. Константин рассказывает мне много интересного и погружает в местную культуру и кухню. Я уже устаю его благодарить и решаюсь опередить Влада и извиниться самой.

– Константин Юрьевич, у вас так хорошо! С Вами так интересно! И всё просто невероятно вкусно. Огромное спасибо. Простите меня, пожалуйста, за тот случай. Я действовала необдуманно, на эмоциях. Подставила и Вас, и Влада. Мне очень жаль! – Произношу как на духу и жду вердикта.

Я правда с ним искренна. Я совершенно не ожидала такого приёма.

– Аня, это пройденный этап. Всё хорошо. Не бери в голову!

Я улыбаюсь. С радостью заносу вилку с валаамским сыром в рот, как меня пронзает молния.

– В конце концов родишь мне внука! Как я могу злиться? ... Да, Влад?

Глава 12

Я откладываю сыр и перевожу взгляд на Ананьевского младшего. Сидит серьёзный, на лице ноль эмоций, смотрит прямо перед собой и только по его напрягшейся челюсти, понимаю, что он такого тоже не ожидал.

– Па, не пугай мне Аню, – наконец выдаёт немного неуверенно Влад.

Да, папе перечить, это не мне в фургоне угрожать.

– А что такого? Чем раньше начнёте, тем больше успеете. И вообще все говорят о повышении рождаемости. Давайте и тут наша семья отличится?

– Мы так вперёд не загадывали, – как-то пискляво у меня выходит.

– Как не загадывали? Молодёжь, вы прилетели ко мне аж в другой регион знакомиться. Я думал всё, сын женится.

Влада застали врасплох.

– Нет, предложение я ещё не сделал.

Ещё...

Весёлая семейка. Я понимаю, что мне ничего не грозит, не заставят же они меня, поэтому пихаю под столом мажора и дразню его, показывая на пустой безымянный палец. Он бледнеет ещё больше. Один/один засранец.

Взглядом я его просто уничтожаю.

– Влад, я Ане покажу картины местных художников, а ты пока организуй нам чай на террасе. Передай Жоре, чтобы подали калитки и сорбет из облепихи. Наверняка наша гостья не пробовала их, да?

– Да, – соглашаюсь со старшим Ананьевским.

– Хорошо, – Влад резко выходит из-за стола и уходит куда-то.

Он явно раздражён. Старший же наоборот чрезвычайно довольный.

– Пойдём, покажу свою коллекцию.

Константин Юрьевич ухаживает за мной, отодвигает стул, подаёт руку и ведёт куда-то.

Ананьевский старший проводит меня по коридору, показывает пейзажи, рассказывает о них с большим интересом и любовью. Я очарована им. Чувствуется, что это не инвестиции и не для показухи. Это вызывает огромное уважение.

– А эти две работы Рериха. Он и Карелию писал.

– Это Рерих?

Я подхожу ближе и рассматриваю картины. Я в шоке, Рерих в доме.

– Я не знала, что он писал здесь. Но стиль сразу угадывается. Круто!

– Круто, да, – Константин смеётся и кивком зовёт меня дальше.

– Аня, ты мне нравишься и я тебе сразу говорю, что я в курсе вашей аферы. Я знаю, что вы никогда не общались на учёбе и эти три месяца тем более.

Чувствую как жар разливается от шеи к лицу, окрашивая его уже в яркие цвета с пейзажей Куинджи.

– В курсе? – Блею.

Это конец...

– Аня, всё нормально, не переживай так. У меня к тебе предложение.

– Какое?

Я в миллионный раз себя ругаю. Зачем я тогда написала этот дурацкий пост. Что ещё сейчас мне предложат?

– Выражаясь вашим языком, я контрол-фрик. Поэтому когда ты выложила тот пост, мы тебя пробили. И всю твою семью. Не обижайся, это стандартная процедура. Я понял, что ты это сама сделала. По неведомым мне причинам. Но я тебе за это благодарен безмерно!

– Как благодарны?

Сказать, что я растеряна, ничего не сказать.

– Да. Именно. Ты Влада в такой тонус привела, что он изменился на 180 градусов. Даже эта ваша пиар-акция с поцелуем. Я в курсе, что Боря её снимал. Но хорошо же. Он активизировался, повзрослел. Научился нести ответственность за поступки. Думал его в армию отправить, но ты справились за несколько дней.

– И вы совсем не злитесь?

– Если бы я злился по таким пустякам, я бы уже свихнулся. И про внука я пошутил. Но Влад, конечно, не на шутку перепугался.

Ананьевский расплывается в улыбке, а я хочу поскорее уже узнать, что он от меня то хочет.

– И я тоже.

– Не стоит. Так вот. К делу. Ты Владу о нашем разговоре не говоришь. И никому вообще не говоришь. И продолжаешь следовать его плану.

– Я так понимаю, что отказаться я не могу?

– Это не принуждение, Анна. Это просьба. Как я уже сказал, ты благотворно на него влияешь. Ты хорошая девочка. Из хорошей семьи. Не голодная, поэтому не будешь на него кидаться, а я тебя потом устрою к Собянину, как ты и хотела.

– Не надо никуда устраивать. Я и так согласна.

– Почему не надо?

– Не хочу быть чьей-то протее. Если вы меня пробивали, понимаете, что к Воронову бы меня могли без проблем устроить, я так не хочу.

– Вот за это ты мне и нравишься. Потом поймёшь, что быть протее не страшно, страшно быть бесполезной. Но пока понимаю. Тогда что?

– Ничего. Точнее я получу опыт и мне интересно. Влад меня тоже в тонусе держит.

– Даже так...

– А ещё, знаете, у нас сейчас модно наставничество. Люди платят каким-то сомнительным бизнесменам за общение. А у меня тут уже наставничество с самым крутым предпринимателем страны, – говорю с улыбкой и сама стесняюсь своей смелости, поэтому опять чувствую румянец.

Ананьевский улыбается и разворачивается в сторону столовой.

– Deal*. Так вы говорите?

– Deal. Вы классный! Правда!

Ананьевский старший превзошёл все мои ожидания. Он просто мега-крут.

Я предвкушаю это приключение. Мне с ними очень интересно. Вся моя жизнь крутилась вокруг учёбы, моего канала и дома. А тут за день столько впечатлений, что голова кругом идёт. Как он тяжело начался и как необычно заканчивается.

– А мне жаль, что у вас не всерьёз. Я бы хотел такую подругу своему сыну.

– Спасибо! Мне это очень приятно слышать.

*Deal-сделка, по рукам, договор.

И мы как старые приятели возвращаемся к Владу. Который сидит в телефоне и опять излучает только лёд.

Мы садимся пить чай, но за Константин Юрьевичем вскоре приходит мужчина в деловом костюме и они отлучаются. Влад говорит, что это его секретарь.

– Что он тебя спрашивал?

– Рериха показывал, – мне с одной стороны не хочется врать, а с другой хочется его компании.

– И всё? Вы долго.

– Про семью ещё и мои планы.

- А про внука?
- Больше не говорил. А чего ты так боишься?
- Не важно.

Ананьевский так и не возвращается, я попробовала все калитки, съела две порции облепихового сорбета и поняла, что устала.

Влад провожает меня до моей комнаты.

- Спокойной ночи. Во сколько ты встаёшь?

Влад непонимающе смотрит на меня и заходит вместе со мной.

- Как проснёмся, так и проснёмся. Но я тут из-за воздуха всегда в шесть встаю.

- Шесть...

Вспоминаю своё пробуждение в шесть и совсем не из-за хрустального воздуха. Тем временем Влад идёт в мой санузел, как к себе.

- Ты не против, если я первый душ приму?

- Ты что у меня его собрался принимать?

- Это моя спальня, Аня. И моя ванная.

- А где моя комната тогда?

- Аня, мы же типа пара. Будем спать вместе. Нас не должны раскусить.

- Спать вместе? У тебя тут наверное десятки спален.

- Чуть больше одного, детка. Но ты спишь здесь, со мной. Я тоже знаешь ли не в восторге.

Подмигивает мне и закрывает за собой дверь. Я с криком разочарования навзничь падаю на кровать.

Черт! Ананьевские мне вилку поставили... какая же я всё-таки дурында!

Глава 13

Влад выходит из душа в распахнутом банном халате, как в отеле, и одних боксерах. Как будто не замечая меня, ходит по комнате и втирает в себя что-то.

– Ты что, маслом пользуешься?

– Анна Павловна, что за сексистские нападки? – С наигранной строгостью говорит Влад. – Да, пользуюсь, у меня были большие скачки в росте, я немного выше среднего, если ты не заметила. А сейчас я на массанаборе. Это профилактика растяжек.

– Заметила. Ну, ты такой накачанный, рельефный...

– Нравлюсь? – Мажор хитро ухмыляется и медленно надвигается на меня.

У меня во рту всё резко пересыхает настолько, что мне приходится приложить усилие, чтобы ответить как можно спокойнее.

– Я просто уважаю тебя за трудолюбие.

Останавливается как вкопанный.

– Вот как, ну, окей, – произносит каким-то уставшим тоном.

Влад разворачивается на пятках и идёт обратно в санузел. Возвращается без халата. Теперь я уважаю его за дисциплину ещё больше...

Внимательно осматриваю каждую выступающую мышцу с капельками воды на умасленной коже. Широкие плечи, стальные грудные мышцы, бицепсы, трицепсы. Замечаю выпуклые вены на руках, прорисованный пресс... Это такая работа над собой. Мой взгляд скользит ниже по косым мышцам, и я быстро отвожу взгляд. Неприлично!

Стараюсь переключить тему разговора, а то всё свернёт не туда.

– Я сплю при восемнадцати градусах. Мне нужна прохлада! – Произношу капризно, надеясь на то, что он всё-таки выделит мне отдельную спальню.

– Я заметил у тебя дома, что ты любишь прохладу...

И к чему эта насмешливая ухмылка?

– И?

– И я не против помёрзнуть, Кузьмина!

– Когда я сюда только зашла, кровать была застелена, и на ней были узкие декоративные подушки. Где они? Я в душ, когда вернусь, возведи, пожалуйста, стену между нами! И я надеюсь, что ты, как белый ходок, через нее никогда не переберёшься!

– Белый ходок? Ты о чём вообще?

– Ты «Игру престолов» не смотрел?

– Нет. Мне некогда, – пожимает плечами.

– Ужас. Я бы каждый твой миллиард потратила, чтобы мне стёрли память и дали посмотреть ещё.

– Иди уже, ненормальная!

И кто здесь ненормальный?

В гардеробной беру свою пижаму. На этот раз она чёрная. С длинными рукавами и полноценными штанами, и удаляюсь в ванную. Когда я выхожу, мажора в спальне нет, а стена есть. Я удовлетворённо поправляю разделяющие подушки, радуюсь отдельному одеялу и замечаю прохладу. Он открыл окно. Без Влада мне будет заснуть намного проще. Я вообще не привыкла, чтобы кто-то был в моем личном пространстве. Даже мой близнец меня напрягает, а он любит напрягать и наоборот хочет постоянного общения.

Ложусь на холодную приятную постель. Воздух тут особенный. В голове проносятся воспоминания сегодняшнего дня. Он был насыщеннее, чем все прошедшие шесть месяцев вместе взятые...

Медленно отхожу ото сна, а может, ещё сплю, как-то всё не так... В моей спальне всегда темно, когда я просыпаюсь, сейчас же светло, комната непривычная. Тело ломит. В долю секунд моё сознание проясняется. Чёрт! Я лежу прижавшись к Ананьевскому. Горячему и твёрдому, будто он из камня. Ещё и закинула на него ногу, а он по-хозяйски сжимает мою попу! Моя же рука у него на торсе. Я боюсь пошевелиться, надо аккуратно выползти, надеюсь, он не вспомнит этого. Осматриваю кровать, одеял нет, нашей стены нет...

Перевожу взгляд на свою руку, всё ещё лежащую на его стальных мышцах, и замечаю ещё один утренний сюрприз. Ананьевский младший меня так впечатляет, что я вскакиваю, как ошпаренная. Мне уже плевать, разбуду ли я его или нет. Отбегаю на безопасное расстояние к окну. И ахаю...

Этот вид ещё более впечатляющий. И мне на него не стыдно смотреть.

Перед нами расстилается озеро. Оно зеркальное из-за льда. Снега нет и поэтому зелёные ели и сосны, окаймляющие берег, отражаются в нем. А середина голубая из-за неба. Потрясающе. Смотрю и не могу поверить.

– Что там? Олень опять гуляет? – Лениво тянет просыпающийся мажор.

– Нет, озеро зеркальное. Невероятное просто, – отвечаю, не отрываясь от окна.

Слышу, как он встаёт и несколькими огромными шагами пересекает комнату. Опять нарушает моё личное пространство. Ставит руки на окно, блокируя меня.

– Да, красиво, поэтому мы здесь и построились. А ты мне мешала спать, Кузьмина.

– Я не храплю.

– Я в курсе. Ты сначала украла моё одеяло, разрушив стену, которую я построил. Я даже картинки в Яндекске смотрел, а потом ты решила, что я твоя грелка.

– Прости, я неосознанно.

Я вообще не понимаю, как я так могла. Это же мой враг, мой кошмар ночной. В итоге к кошмару я пришла сама...

– Ничего. Моя няня в детстве всегда говорила, что мучное помогает уснуть. А я уже давно поладил с твоими булочками, – произносит мне прямо в ухо, обжигая дыханием.

Я пихаю его со злости и возмущения и снова натываюсь на Ананьевского младшего, вот чёрт!

– Фуу, выпусти меня! – Верещу на всю комнату.

– Ай, зря ты так, он лучше твоего сатисфаера*! – И опускает свой похотливый взгляд на виновника.

Этот засранец начинает ржать, а я убегаю от него в санузел. Вот же козлина озабоченная!

Я специально долго вожусь в ванной, умываюсь тщательно, чищу зубы, расчесываюсь целую вечность. Меня это успокаивает и, надеюсь, бесит Влада. Когда выхожу, он уже одет. Опять эти серые штаны, в которых задница так и просится на жмяканье. А вот сверху чёрная водолазка. Он опять похож на бойца, но как ему это идёт...

– Пошли завтракать, нам пора, – небрежно мне кидает.

– Мне надо переодеться, иди, а я спущусь, – хочу опять от него избавиться.

– Нет. Мы пойдём вместе, – опять тон, не знающий возражений.

Я громко выдыхаю и иду в гардеробную.

У двери нас ждёт девушка в форме горничной.

– Владислав Константинович, ваш протеиновый коктейль, – протягивает ему стакан от шейкера. Вам завтрак подать через час в спортивный зал, как всегда?

– Нет, я сегодня не буду заниматься. Анна Павловна меня не отпускала с утра, уже не успею.

Я закатываю глаза. Анна Павловна не отпускала...

– Это звучит очень пошло, Ананьевский! – Шиплю ему раздражённо.

– Разве? – Издевательским тоном.

Он невыносим! Ещё и позорит меня перед посторонними... Когда всё закончится, мне нужен будет санаторий!

Завтракаем мы на парадной кухне, как он её назвал. Она с огромными окнами, и кажется, что мы почти на природе. Но из спальни вид объёмнее. В целом здесь почти как у обычных людей. Даже телевизор висит и транслирует местные новости.

– У вас правда тут олени?

– Не у нас, а здесь. Да, постоянно приходят.

– А погладить можно?

– Он убежит, они же не ручные.

– Жаль...

– Погладь меня, – смотрит на меня глазами бемби.

Да ему надо было в Щуку идти, а не РАНХиГС. Просто мастер перевоплощений!

– Ты противный!

Влад погружает вилку с желтком себе в рот и что-то активно ищет в телефоне.

О нет! Придурок! На телевизоре вместо ГТРК «Карелия» проигрывается то самое видео, где он меня мучает!

– Ты что творишь? Выключи немедленно! – Воплю я.

– Просто напоминаю, что бывает с плохими девочками. Мне не нравится, как ты себя ведёшь, Яна!

– Аня! Выключи, пожалуйста! – Я уже прошу с нотками мольбы в голосе.

На экране снова новости. У меня кусок в рот не лезет. Допиваю кофе и смотрю в окно. Слова не пророню больше. Какой же он козёл! Ненавижу. Зачем я согласилась с его папашей. Он меня в какой-то плен своего обаяния взял.

– Чем займёшься до отлёта? Можем покататься на снегоходах по озеру, а можем полететь на Кижы. Ты там была?

Я мечтала увидеть Кижы, а потому не могу проигнорировать вопрос.

– Не была. Я вообще нигде не была в России, кроме Москвы и Питера.

– Серьёзно? Сколько всего можно тебе показать и сколькому научить, – произносит уже тёплым голосом.

– Серьёзно. Моя маман хочет ездить только в Дубай, Милан и в Марбелью. Родственников у нас нигде нет, поэтому вот так. Но я очень хочу на Кижы.

– Понятно. Бывает. Хорошо, летим. А потом в Петрозаводск сразу.

– Спасибо! Я поверить не могу. Не думала, что когда-нибудь здесь побываю.

– Пряник эффективнее, да? – Задумчиво спрашивает мажор.

– Относись к другому так, как хотел, чтобы относились к тебе, и всё будет хорошо, – умничаю я.

– Это ты мне говоришь? Анна Павловна, всё-таки порка!

*Satisfyer – секс-игрушка, которую нашёл Влад. Вакуумный стимулятор.

Глава 14

– Только попробуй, Влад! Не забывай, что тебе нужны твои десять миллиардов, а не мне! Выскакиваю из-за стола. Из-за новых впечатлений, любопытства перед неизведанным я совсем забыла, с чего всё началось. Но наконец-то морок сошёл. Нет, всё, с меня хватит!

– Анна, всё в порядке? Вам всё понравилось? – Спрашивает меня Георгий, когда я вылетаю из гостиной.

– Да, спасибо! А где Константин Юрьевич? Я бы хотела с ним поговорить.

– На предприятии, полагаю. Улетел в семь утра, – заявляет дворецкий таким тоном, что чувствую себя полной дурой, что вообще посмела имя «хозяина» произнести.

Злая иду собираться. Может, этот придурок меня просто отвезёт в аэропорт, и я улечу регулярным рейсом. Уверена, папочка ему уже всё согласен передать, а я терпеть его угрозы поркой и унижения публичные не готова. К чёрту Кизи!

Залетаю в комнату, прохожу в ванную, быстро собираю свои вещи и бегу в гардеробную складывать чемодан. Переодеваюсь в удобную одежду для полёта, застёгиваю чемодан. Всё. Хочу к себе. В свою спокойную жизнь. Хочу слушать лекцию по политологии, а не обсуждать сугудай с миллиардером.

Слышу, как хлопает дверь. Влад появляется в гардеробной и проходит мимо меня, как будто меня здесь и нет. Отлично, ставлю чемодан и направляюсь на выход. И сразу же он меня хватает за капюшон и разворачивает на себя. Он уже без водолазки, когда успел снять только?!

– Аня, ты думаешь, если я вежливо себя веду, то ты можешь наглеть? – Ананьевский хватает меня под рёбра и как пушинку сажает на остров посреди гардеробной.

– Не думаю, – отвечаю тише воды.

– Вот и не думай, Аня. Я не мальчик-зайчик, – цедит сквозь зубы. А потом этот громила разводит мои колени и опять нагло нарушает моё личное пространство, устраиваясь между ними и крепко сжимая бёдра.

За завтраком ему было мало, и он решил опять явить своё нутро. Смотрит на меня внимательно, шея напряжена и кажется ещё массивнее, дышит через нос. Разъярённый бык. Почему-то сейчас я не думаю, что Константин Юрьевич мне поможет, а значит, надо брать всё в свои руки. Обхватываю его за стальные бицепсы, глажу и заглядываю в глаза.

– Влад, прости. Меня триггерит тема с поркой. Не делай так больше, ладно?

Опускает помутневший взгляд на мои руки, вжимает ещё сильнее в свои. Даже через трикотаж моего костюма они меня обжигают.

– Ещё что мне не делать, Кузьмина? – Спрашивает с провокацией.

– Это, – я опускаю взгляд на его тиски.

– А это? – Влад наклоняется к моей шее, опалает её дыханием. Я замираю, сглатываю. Чувствую его мягкие настырные губы на своей коже. Его руки подо мной ещё более твёрдые. Его запах забивает мне все рецепторы. По телу разливается горячая волна, я прикрываю глаза, и наше громкое дыхание в тишине комнаты прерывает громкий звонок.

Ананьевский резко меня отпускает, я даже теряю равновесие. Опираюсь руками на остров и пытаюсь восстановить дыхание.

– Да, понял. Десять минут, – сбрасывает звонок, – пойдём. Получили разрешение на пролёт, Кизи дали согласие на приземление. Нас ждут.

Натягивает на себя футболку, толстовку в цвет спортивных брюк, подходит к острову и снимает меня с него. Молча подхватывает наши чемоданы и выходит. Иду за ним.

– Влад? – Окликаю его.

– Да?

– Можешь мне дать телефон? Я хочу сфотографировать вид из окна на память.

Останавливается, молча подходит и протягивает телефон.

Я быстро делаю несколько фотографий, панораму и снимаю видео. Удовлетворенная результатом отдаю телефон. Забирает, даже не смотря на меня. Почему я теперь чувствую себя виноватой?

В вертолёте я опять попросила телефон, потому что хочу заснять их озеро с высоты птичьего полёта. Их усадьбу, честно говоря, мне тоже хочется заснять. Она выглядит абсолютно волшебно при свете солнца. А вся территория укутана в снег. Я как будто к деду Морозу приехала. Хотя вряд ли он так шикарно живёт. Но также без спроса приходит...

Мы летим какое-то время над густым белоснежным лесом, а потом вылетаем на озеро. Я смотрю в окно, и мне кажется, что я в сказке. Нежное солнце придаёт бескрайней белоснежной глади нежное свечение, а редкие островки как будто накрыли кружевным покрывалом ели. Чувствую, как Влад прижимается ближе ко мне и тоже смотрит в мое окно. Поворачиваюсь к нему и показываю жестом «класс».

Когда мы подлетаем к Кижам, я просто не верю своим глазам. Это просто потрясающе. Ни на что не похоже. Так аутентично. Влад видит по моему выражению лица, что я в полном восторге, и улыбается. Оттаял.

На прощание я обещаю экскурсоводу, что приеду летом и привезу родителей.

– Влад, как тут хорошо! Душевно! Я бы тут даже осталась!

– Тебя не оставят. Я рассказал про твою анальную пробку, – абсолютно невозмутимо произносит этот двухметровый придурок.

Но мне смешно, потому что здесь как-то особенно легко. И я пихаю его игриво в бок. Влад хватает меня, кружит и кидает в снег. Нависает сверху.

– Кузьмина, давай договоримся? Ты ведёшь себя хорошо, не газуешь, и я буду мягче, окей?

– Сомнительно, но окэй!

Влад смеётся, резко встаёт и протягивает мне руку.

– Куда сейчас?

– В Петрозаводск. Пообедаем с отцом и Вовой и в Москву все вместе полетим.

Приземляемся мы почти у ресторана и идём вдоль Онежского озера минут десять. Здесь очень необычно для моего взора. Огромный водный массив, который сейчас во льду, если не считать проталин у берега, носится какой-то странный транспорт по заснеженному озеру, а на набережной много арта. Влад достаточно ёмко пытается меня познакомить с Петрозаводском, пока мы идём до стеклянного ресторана прямо на берегу.

– А вот и наша молодёжь! – Радуетя Константин Юрьевич.

Вспоминаю, как утром хотела ему наябедничать, и смущаюсь.

– Анна, ну как тебе Кижы? Онега? Петрозаводск?

– Я в восторге. Я же нигде не была, кроме Москвы и Питера. Тут всё иначе. Спасибо большое!

– А мы под санкциями десять лет, поэтому мы активно путешествуем внутри страны. И вообще север предпочитаем. Сколько тебе Влад покажет ещё, – Константин Юрьевич улыбается их фирменной улыбкой, – мы Карелию очень любим и много ресурсов вкладываем в её улучшение.

– Да, она сейчас раскрученная. И только набирает популярность. Теперь понимаю почему.

– Пап, представляешь, Аня никогда не видела деревенских домов. На Кижях стояла и трогала стены, – Влад подключается к разговору.

– Влад, так позови Аню к нам. Сын говорил, что я родился и вырос в деревне в Ярославской области?

Мне стыдно сказать, что я его биографию и без Влада наизусть знаю, поэтому стараюсь искренне удивиться.

– Ань, хочешь съездить туда на майские? Это наша семейная традиция.

Только мы договорились, что я буду мягче, как он ставит меня в тупик. К маю я должна была быть свободна, а теперь что?– Хочу, конечно! – Отвечаю, несмотря на озадаченность, и ловлю от обоих какие-то многозначительные взгляды.

– Отлично! Анна, я заказал тебе гравлакс из местной форели. Ты должна это попробовать. И водитель тебе сейчас купит сувениров домой. Сыра валаамского, рыбы, оленины родителям.

Я осознаю, что хоть и с заботой, но здесь всё решают за меня. Но не загоняюсь, а представляю, как моя мама обзвонит всех подруг, хвастаясь сыром от Ананьевского. Может, она даже теплее ко мне относиться начнёт...

В полёте я спала. Отключилась ещё до взлёта, и Влад разбудил меня только во Внуково. Его отец с помощником уехал в сопровождении нескольких машин, а нас встретил Борис.

– А что мне завтра в академии делать? – Спрашиваю у Ананьевского.

Москва вернула меня в реальность. Наверняка завтра все будут на меня пялиться.

– Веди себя как обычно. Для тебя ничего не изменится.

– А мы будем пересекаться с тобой?– Конечно. Время от времени. Надо посетить несколько мероприятий.

– А завтра?– А завтра у меня учёба. ОМОН не ждёт.– Так необычно это, конечно. Я думала, тебе карточку заблокируют, а не отправят служить.

– А я необычный, Аня. Запомни это, – говорит мажор и нахально ухмыляется.

– Это точно. Я никак не ожидала, что такая семья может быть настолько нормальной и даже уютной. Мне понравилось у вас. Правда.

– Какая такая?

– Ну, – мне неловко произносить это вслух, – олигархическая.

Влад начинает смеяться. Даже Борис, по-моему, что-то фыркнул.

– Аня, мой папа не олигарх. Он миллиардер, да, но ты же не называешь других людей по количеству нулей в активах. Даже слов таких нет. В первую очередь он просто предприниматель федерального уровня и всё. Хотя нет, всё-таки мирового. Наша сталь имеет стратегическое значение для многих стран. Ты же хорошо учишься, должна понимать, что у нас олигархов нет. Олигархами были Березовский и Ходорковский, а мы в управление страной не лезем. Да и никто не лезет. Понимаешь?– Кажется, да.

Зато я прекрасно понимаю, что Влад намного умнее меня, и мне становится совсем горько от того, что мой поступок его и активов почти лишил, и академии лишил.

– Я обещал твоей маме, что зайду.

– На ужин? – Мне уже не стыдно. Нельзя так нарушать мой покой. Я мечтала оказаться дома и без него.

– Нет, просто тебя передать. Мне тебя доверили.

– Я как бы живая, и у меня есть воля, – выпаливаю ему.

– О да, – бросает мне Влад и утыкается в телефон.

Я отворачиваюсь к окну и понимаю, что мы уже почти приехали.

– Дай я маме позвоню, чтобы пропуск выписали.

– Я уже получил постоянный, – отвечает Борис.

Этого ещё не хватало! Чувствую, что я перестала контролировать даже мелочи.

Дома у нас гости. Друзья родителей. Мама невероятно счастлива, что они застали её дочь в компании Ананьевского. Она с гордостью его представляет, расплывается в улыбке. Теперь она с укладкой и нарядная, как будто в оперу собралась. Голос на несколько тонов выше. А Влад – само очарование. А как он уважительно разговаривает с моим папой, как будто не ворвался к

нему в дом на прошлой неделе. Или ворвался, чтобы премию вручить. Цирк. Я начинаю снова закипать.

Все идут провожать Влада в прихожую, я выхожу с ним в сад и сопровождаю до калитки. Все смотрят за нами через портал.

– Пока, Ананьевский, надеюсь, ты мне дашь от себя отдохнуть, как минимум неделю.

Влад притягивает меня к себе, его губы накрывают мой рот, язык дерзко толкается внутрь. Я в шоке, что он устроил это непотребство на глазах у родителей и Рогачёвых. Его руки не стесняются меня гладить. И он опять меня берёт в плен своего запаха. Ноги подкашиваются, пока он не разрывает поцелуй.

– Кузьмина, если бы ты хотела отдохнуть от меня неделю, ты бы не отвечала так рьяно на мой поцелуй, – щёлкает мне игриво по носу пальцами и уходит.

Глава 15

Я провожаю взглядом машину Влада и трогаю свои губы, пытаюсь осознать и переварить эти ощущения. Они приятные. Очень. Мой первый и последний поцелуй был ужасным. У парня был такой мягкий, склизкий язык, что я убежала от него. Решила, что поцелуй такой и должен быть, и поняла, что это не мой фетиш, и забила. Но Ананьевский...

Возвращаюсь к родителям и гостям. Женская половина жаждет подробностей. Когда я достаю им «гостинцы» от Константина Юрьевича, они выпадают в осадок от осознания, кто им это передал. У мамы сегодня триумф. Наконец-то её неказистая дочь отличилась, да так, что дала фору всем вместе взятым. Наверное, я теперь золотой ребёнок для неё.

– Анечка, и они правда едят этот монастырский сыр? – спрашивает мамина подруга Инна Рогачёва.

– Да, я попробовала его за ужином, мне понравился, и Константин Юрьевич его заказал мне.

– Удивительно, а мы на Усачёвский ездим за пекорино. Но я не готова к таким подвигам, – высокомерно заявляет Рогачёва.

Надо же, оказывается, высшая прослойка среднего класса и есть те самые снобы, когда богатейший человек страны ведёт себя куда скромнее. Ананьевские возвышаются в моих глазах ещё больше. В итоге я извиняюсь перед всеми и иду к себе. Я устала после такого насыщенного дня.

В комнате сразу бегу к своему телефону. Наконец-то диджитал-детокс закончился, и я могу погрузиться в информационное поле.

Замечаю уведомления о сообщении iMessage. Номер незнакомый, и я ни с кем не переписываюсь там. Все пользуются телегой. Открываю. Там фотографии. Понимаю, что это Влад.

Поразительно, но он скинул мне абсолютно все фото и видео. И скидывал их сразу же. Даже видео из вертолёта с их усадьбой. Да уж, это был бы лучший контент для наших гостей, но я оставляю для себя и своих воспоминаний.

– Не боишься, что я солью ваш личный «Зимний» в сеть?

– Вроде это был Кусково, не? – Влад отвечает в ту же секунду.

– Значит, не боишься.

– Только за твою задницу...

– Фу, как грубо, Ананьевский!

– Попу.

Блокирую телефон и улыбаюсь. Всё-таки он не совсем конченный.

Ставлю телефон на зарядку и иду в душ. Вспоминаю Влада и его масло и решаю сделать себе скраб.

Когда телефон достаточно зарядился, залезаю в телеграм и буквально ошалеваю. У меня вся личка забита какими-то левыми тубиками. Кто-то предлагает познакомиться, кто-то называет меня продажной шкурой. Кто-то скидывает свои причиндалы. Это так мерзко, что хочется снова пойти в душ.

Но самое мерзкое меня ждало впереди. Я всё-таки нашла ту самую бабскую курилку и посмотрела наш слитый поцелуй. В комментариях был полный треш.

«Мои поганки в лесу и те ярче».

«Я всегда считала, что если у мальчика красивая мама, он выберет ей под стать».

«Девка никакая, но не промах. Ловко она его! Никогда бы на такую не посмотрел, а она его опозорила

на весь универ. Респект. Такие и пробиваются».

«Может, папаша лишил сыночку всех благ, вот он и решил замутить с дочкой водочного магната? Как говорится: «Не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки. А водки в этой семье достаточно».

«Владик, напиши мне. Не все красивые девушки уехали в Дубай».

«Ябыневдул».

Я читала и читала, занималась этим самомазахизмом и не могла остановиться. В эту ночь я не сомкнула глаз. Я прочла все отметки, все комментарии. Они погрузили мою самооценку на дно Марианской впадины.

Утром я посмотрелась в зеркало. Была бледнее поганки, стала страшнее атомной войны. Лицо осунулось, глаза красные, как мне в таком виде появиться на занятиях? Пропускать уже не вариант.

Одеваюсь максимально неприметно. Чёрные расклешённые джинсы. Максимально свободное чёрное худи и сверху кожаный чёрный пиджак. Очки для работы с компьютером тоже надеваю. Они хоть немного скрывают мои заплаканные глаза. У меня даже плывёт всё перед глазами, я точно сегодня сама не поведу.

Заглядываю к Дане, он спит и прогоняет меня. Мямлит что-то про третью пару. Внизу встречаю папу и прошу меня подкинуть, ему всё равно по пути.

Телефон уже не достаю. Поставила посты в отложку на целую неделю. Я больше не зайду в телеграм. Я просто уверена, что мои сиськи не вызвали такого хейта, как наш поцелуй. Да их бы никто и не заметил, может, в универских болталках поржали и всё. Здесь же меня обсуждает каждый.

В академии все на меня пялятся и перешептываются. Мой невзрачный вид меня абсолютно не спасает. Я смотрю под ноги, натянула капюшон, но всё равно чувствую на себе взгляды. Слышу шушуканье. Мне от этого настолько некомфортно, что даже кожа начинает чесаться.

Второй парой у нас лекция по экономической теории. И вдруг начинается гул по всей аудитории. Я села на галерку, чтобы никто меня не видел, и теперь наблюдаю, как все лезут в свои телефоны и тут же переговариваются между собой. Я тоже лезу.

«Наша разоблачительница Кузьмина сегодня бледна, грустна и явно выплакала не один литр слёз. Сплетнице донесли, что Ананьевский трахнул непутёвую и бросил. Считаем, что отомстил заслуженно. Всяк сверчок знай свой шесток» – «Подслушано РАНХиГС».

Все мои однокурсники осматривают аудиторию, выискивая меня. Я делаю вид, что пишу конспект, но в голове один лишь гул. Я никому не могу пожаловаться. Никому не могу рассказать и не могу себя защитить.

А может и в правду он всё это подстроил? А папа и против не будет, он же теперь герой в глазах этой низкой общественности. Я упала глубже Марианской впадины. Держим путь к ядру...

После второй пары я пью кофе на последнем этаже, надеясь никого не увидеть. Третью еле высидиваю. Меня даже пальцы не слушаются и отказываются записывать. Осталось отсидеть английский и можно сваливать. Завтра продержаться, а там выходные, и, может, все забудут про меня к понедельнику.

Вдруг начинает выть сирена. В громкоговоритель призывают никого не паниковать и покинуть корпус. Однако паника начинается. Но есть плюс: на меня уже не смотрят. Все начинают сбегать по лестницам, в раздевалке творится чёрт знает что. Дикая давка на выходе. Наконец мы все высыпаем на улицу.

Я замечаю, что опять все шепчутся и смотрят на меня и что-то разглядывают впереди. Двигаюсь вместе с толпой и вдруг вижу на парковке Ананьевского. Стоит в форме из моих кошмаров, облокотившись на чёрный Porsche 911. Выцепляет меня взглядом в толпе и рас-

плавается в своей ослепляющей улыбке, а в руках держит огромный букет красных роз. Они с меня ростом.

Глава 16

Я понимаю, что всё это представление устроил он. У меня нет никаких сомнений, он умеет эффектно появляться...

Смущаюсь и подхожу к нему.

– Ананьевский, что за спектакль? – Хоть в моём тоне и сквозит осуждение, я улыбаюсь.

– Кузьмина, ты должна сейчас при всех изнасиловать мой рот, как вчера! – Заговорщически шепчет Влад.

– Я его не насиловала, – выпаливаю я и тут же оказываюсь в тисках Влада.

– Целуй, – шепчет, обжигая дыханием и склоняясь ко мне.

И я целую. И снова сплетаюсь с его языком в танце. Тону в любимом парфюме. Удивительно, но мне раньше казалось, что Влад ледяной, а он настолько горячий, что я чувствую его жар даже через слой зимней одежды. Встаю на мысочки, тяну руку к его шее, веду вверх по коротко бритым волосам и отмечаю, как мне нравятся эти ощущения.

– Всё, Кузьмина, все видели, я тоже не железный, – отстраняется от меня, – и порадуйся цветам.

– Ты стальной! – шепчу ему, намекая на семейный бизнес, и с наслаждением вдыхаю аромат роз. Они действительно практически с меня. Эффектно, хоть я и не выношу красные розы.

– Так и знал, что заценила утром стального Влада, – нахально улыбается, – а теперь поехали.

Разворачивается, кому-то машет. Поворачиваю голову, это он Борису. К нам подъезжает «Аурус», Борис выбегает, забирает букет, получает указание отвезти его ко мне домой и уезжает. А я гадала, как он его в купе засунул, оказывается, для моих роз есть Борис. Влад открывает мне дверь и сажает к себе в «Порш», бросаю взгляд на сокурсников, все глазают. «Аурус» был заключительным аккордом. Умеет Ананьевский устроить шоу...

– И зачем это всё? – Спрашиваю, как только он садится в машину.

– Никто не имеет права обижать мою девушку, Аня, – с какой-то категоричностью отвечает Влад.

– Но я не твоя девушка.

– Об этом знаем только мы вдвоём. Для всех остальных ты – моя, – Влад строг и смотрит на дорогу.

– Ты читал пабрики в «Телеге»? – Озабоченно спрашиваю. Мне стыдно за то, как меня там обливали.

– У меня нет «Телеги». Вообще никаких мессенджеров и соц. сетей.

– А как ты узнал, что меня обижают?

– Рассказали. И кореш написал, что ты заплаканная, а потом скинул скрин из подслушки. Как-то так, – Влад напряжён и, кажется, смущён, закусывает губу и напрягает челюсть.

– Поняла, – отвечаю и понимаю, что зря выкладывала некоторые посты, обращённые к нему, он их не видел, но это меня даже радует, – а ты не мог бы раздеться?

– Детка, прям здесь? Мы можем доехать до отеля, – его губы растягиваются в ухмылке.

– Ананьевский, я серьёзно! Меня бесит твоя форма, аж триггерит.

– А-а-а, – лениво тянет. Останавливается на ближайшей остановке, выходит из машины, открывает багажник и возвращается в пуловере и кашемировой куртке. Пусть штаны и прежнее, но уже лучше. «Лоро Пиана» вытягивает весь образ.

– Спасибо, а то воспоминания не очень, – искренне признаюсь ему.

– Ты тоже снимай своё худи, – бросает мне своим фирменным тоном.

– У меня под ним нет футболки, ты что?

– Тем лучше. Мне нравится твой пиджак. Подходит под твой дерзкий характер. И в футболе он не нуждается.

Он считает, что у меня дерзкий характер? Мне все всю жизнь твердят, что я меланхоличная. Интересно...

– А куда мы едем?

– Нам надо ещё засветиться, поэтому на Патрики.

– О, я там никогда не была, представляешь? Только в театре на Малой Бронной. Будем давать интервью о твоих доходах или о том, сколько мне нужно в месяц? – Смеюсь, представляя это наяву.

– И правильно делала. Сборище эскортниц и темщиков, хотя рестораны вкусные. Интервьюеры эти – отдельная тема, конечно...

– В какой ресторан пойдём?

– В самый злачный. Хорошую девочку веду в хорошую девочку.

– Это название?

– Ага. Заценила мой каламбур?

Я закатываю глаза и начинаю приводить себя в порядок. Вроде краснота с глаз спала. Снимаю жакет, стягиваю худи и пытаюсь максимально закрыться, пока надеваю обратно жакет. Боковым зрением замечаю, что Влад бросает на меня короткие взгляды.

– Хватит пялиться, Ананьевский! – Возмущаюсь его подглядыванием.

– Кузьмина, я уже всё, что надо, видел, – отвечает равнодушно, делая вид, что следит исключительно за дорогой.

Нарушаю второй раз за день своё обещание и лезу в «Телеграм». Первым делом в студенческий паблик. Там только нас и обсуждают, даже фото с видео наделали.

– Зацени! – Протягиваю Владу телефон.

Он быстро осматривает и возвращает взгляд на дорогу.

– Этого и добивался. Лучше скажи, будешь перед сном пересматривать? – Хитро спрашивает, ухмыляясь.

– Ой, всё

На Патриарших мы долго ищем место для парковки, нам приходится довольно долго идти до ресторана. И хоть этот район я практически не знаю, каждое здание и вывеску я узнаю. Всё-таки здесь снимается огромное количество видео, которые набирают миллионы просмотров.

Здесь много очень эффектных девушек и стильных парней, но мой компаньон самый самый. Он самый высокий и самый уверенный в себе. Это считается в каждом его движении. И считается не только мной. Девушки зыркают на него оценивающими взглядами, а парни как-то неуверенно тушуются. Особенно, если идут со спутницами. Рядом с ним и я себя чувствую свободнее, а потому распрямляю плечи и представляю себя на подиуме. Иду уверенно за руку со своим фиктивным бойфрендом и осознаю, как мне нравится это всеобщее внимание.

Когда у нас забирают верхнюю одежду, я бросаю взгляд на нас в зеркало и понимаю, что я очень хорошо выгляжу. Жакет как будто надет на голое тело, но это не откровенно, а действительно дерзко. А он сечёт. И лицо у меня как-то преобразилось. Довольная следую за Владом в зал.

Нас сажают за овальный стол у окна и дают меню. Оно очень неоднозначное и полно намёков... Я даже немного смущаюсь, но потом вижу очень забавные названия блюд и мы начинаем вместе угорать.

– Полагаю, ты закажешь себе «парня из френд-зоны»? – Подкалываю Ананьевского.

– А ты пасту «Не богатая, но обеспеченная?» – прилетает мне в ответ.

Мы смотрим серьёзно друг на друга и взрываемся от смеха. Я смотрю, как он искренне смеётся и начинаю не то что ржать, а прям хрюкать, а у него уже текут слёзы.

– Куда ты меня привёл, Ананьевский? – спрашиваю чуть успокоившись.

– Ты ещё подачу не видела, Кузьмина!

– Я уже в предвкушении!

– Ты не представляешь в каком я, – загадочно произносит Влад.

Я со смехом дальше листаю меню. Оно откровенное, но действительно актуальное и с юмором. А ещё заведение очень красивое, стильное. У посетителей на столах какие-то невероятные коктейли и официанты разносят блюда с яркой подачей. Это какой-то девчачий рай. Я с родителями хожу в дорогие и хорошие рестораны, но не такие модные. А в такие мне ходить не с кем.

Влад сказал, что у него были жёсткие тренировки с утра и заказал без зазрения совести себе два бургера с фуа-гра. Всё-таки взял парня из френдзоны, чтобы меня порадовать и зелёный салат. А я заказала себе гребешков и ту небогатую пасту с трюфелем и страчателлой. Обожаю и то и другое. И Влад опять ржал, когда официант принимал заказ.

– Ну, рассказывай, как себя ведут на свиданиях? – С любопытством спрашиваю у Влада.

– Ты что никогда не была на свидании? – с удивлением спрашивает.

– Нет. У меня не было ни отношений, ни ухажёров, – отвечаю честно, мы уже прошли этап, когда можно чего-то стесняться.

– То есть вообще? Ничего? – с ещё большим удивлением спрашивает Влад и откидывается на стул, внимательно меня осматривая.

– Вообще ничего. Ну, однажды целовалась с парнем с подготовительных курсов, но мне совершенно не понравилось и я его кинула в чс.

– Хорошо, что я реабилитировал поцелуи, – усмехается Влад.

– В плане?

– Тебе же теперь нравится...

Я закатываю глаза и вздыхаю.

– Расскажи лучше о своих свиданиях. Куда водишь и всё такое.

– А у меня тоже как таковых свиданий не было.

– А отношения?

– Были, – отвечает уже сухо.

– А почему закончились?

– Это была моя репетитор по китайскому. Она была старше на пятнадцать лет. У неё были другие приоритеты.

– О, ты китайский знаешь? – спрашиваю первое что мне приходит на ум.

Ничего себе, я бы никогда не подумала, что у него были отношения с взрослой женщиной. Да ещё и с его репетитором. Я думала, что ему нравятся гламурные мажорки.

– Плохо. Мы не китайским занимались, как ты понимаешь...

Я смущаюсь и лезу к Владу за картошкой фри с трюфелем, чтобы отвлечься.

– Не ешь из моей тарелки, – с напускной строгостью заявляет мне.

– Тебе жалко что-ли?

Влад подтягивает тарелку ближе к себе, берёт картошку и протягивает мне.

– Так не жалко, – хитро произносит и прищуривается.

– Ты хочешь чтобы я ела с твоих рук? На нас и так все смотрят, – шепчу ему.

Он пожимает плечами и поддвигается ещё ближе. Я закрываю глаза и опускаюсь за картошкой. Мы ржём и я замечаю, что девушки у барной стойки нас фотографируют исподтишка. Влад тоже это замечает и подмигивает мне. Мы засветились. Да ещё как...

Когда я возвращаюсь из уборной на столе стоят десерты. И теперь я понимаю, что он имел в виду под подачей. У Влада тарелка с голой попой и яркими донатсами. Очень очень провокационный десерт. Посередине стоит муссовое пирожное в форме груди, а мне он заказал эклер. Огромный эклер. На котором красуется надпись «В рот беру только такие» Теперь я уже смущаюсь.

– Я не буду это есть, Ананьевский!

– Я тебя так готовлю, – говорит Влад, подцепляя вилкой сосок на пирожном.

Я округляю глаза и теряюсь. Это просто пирожное, но почему-то оно вызывает у меня странную реакцию. Он отправляет вилку в рот, закрывает глаза и выдыхает звук удовольствия. У меня же от этого его наслаждения десертом замирает сердце. Он облизывает тщательно вилку и не сводит с меня глаз.

– Знаешь что самое лучшее, чему меня научила китайка?

– Что? – спрашиваю, как бы невзначай. А сама разрезаю свой гигантский эклер, который очевидно размером с гигантский член, вилкой, дабы не доставлять Владу удовольствие лицезреть, как я его кусаю.

– Она донесла до меня, что высшее удовольствие мужчине приносит осознание, что его женщина наслаждается. Им и вообще...

Глава 17

Мам, ма-а-а-а-м! – Я начинаю звать маму, как только оказываюсь в холле.

– Здорова! Что кричишь? – Меня встречает брат.

– Мне нужна срочно мама!

– Зачем? Кстати, классно выглядишь! Реально влюбилась в своего олигарха? Вы сегодня весь РАНХиГС на уши поставили.

– Да? Что говорят?

– Мои одногруппницы просят меня познакомить их с тобой.

– Ага. Ясно. Чтобы я их познакомила с Владом. Избавь меня от этого удовольствия.

– Потом не жалуйся, что тебе дружить не с кем... Или ревнуешь?

Я закатываю глаза. Да я доплатить готова, чтобы меня избавили от всего. Просто моя доплата – мизер в его мире.

– Аня, что ты раскричалась? – Мама спускается со второго этажа. – Иди сюда, смотри, как в эту вазу хорошо розы встали, не против, что они не в твоей комнате?

Я осматриваю розы в высоченной интерьерной вазе и понимаю, как классно мама придумала. Иду и фотографирую, надо выложить в статус, чтобы ещё больше подогреть интерес.

– Мам, можешь на выходных со мной в ЦУМ съездить?

– В ЦУМ? Чего это ты? – Мама удивляется, потому что я ненавижу шоппинг, бренды и все мамины главные увлечения. Половина моей одежды – это Данины худи, которые я у него одалживаю и не возвращаю. Сама же я крайне редко себе что-то покупаю.

– Я хочу что-то купить. Что-то стильное, знаешь... Мне твоя помощь нужна.

– О, детка, наконец-то! Может, ты и наконец примеришь, что я тебе покупала, а ты отказывалась?

– Хорошо, давай посмотрим, – Поднимаюсь за мамой на второй этаж. – Мам, давай ещё в «Золотое яблоко» заедем? Поможешь мне с косметикой?

– Аня, – Мама разворачивается ко мне и вся сияет. – Как долго я ждала этого момента! Конечно, помогу! И в салон запишу, пора делать лазер, – Мама интригующе выгибает бровь.

– Зачем лазер, мам?

– Аня, ну что мне всё тебе объяснять надо? Потом спасибо скажешь.

– Понятно. Ладно. А волосы мне не надо протонировать?

– Я запишу тебя к Руслану, он подскажет. Кстати, как на тебе сидит этот жакет! Шикарно! Но только без этих твоих балахонов. Какой силуэт сразу. Это что за бренд?

– Российский. «Фантом».

– Кожаный?

– Да. Я на него все деньги с рекламы потратила в августе.

– Он на года. Хорошее вложение, – Мама одобритительно кивает.

Мама заводит меня в свою гардеробную и показывает целый отсек с одеждой, которую она мне покупала, а я не брала, потому что предпочитала толстовки и джинсы. Забираю всё, что есть. А ещё прошу сумку Balenciaga. Потом куплю себе на деньги, которые заработала на рекламе с канала, свою.

В комнате перемеряю все комплекты. Надеваю замшевый сарафан в длине мини на тонкую водолазку и отправляю фото в зеркало Владу.

"Как думаешь, я так выгляжу, как твоя девушка?"

"А я как твой парень?"

У меня в некоторых комнатах медленно работает вайфай, и фото, которое он прислал, не прогружается. Переключаюсь на LTE и жду.

Я в шоке смотрю на загруженное фото. Нет, я его уже видела во всей красе после душа. Но он тогда был более расслабленным, а тут всё напряжено до такой степени, что я впиваюсь глазами в свой телефон. Даже хочется пальцем провести по каждому кубику. Что я и делаю. А потом я замечаю, что его шорты надеты слишком низко и мне вот-вот откроется то самое, к которому ведут выпуклые вены, как будто это указатели со стрелками. Ну и бесстыжий!

"Мой парень не фотографировал бы лобок, Ананьевский!!!!!!!"

"Шорты съехали, не заметил, прости".

Не заметил... Ну-ну. Чтобы я ещё раз ему написала?

Утром я решаю надеть самый смелый комплект. Когда мама мне его презентовала перед началом учебного года, я подумала, что никогда такое не надену, а сейчас думаю, что этот образ максимально отражает моё состояние.

Надеваю лаковое мини-платье без бретелек в винном цвете, а сверху такой же жакет. Плотные колготы, которые максимально удлиняют ноги, и выгляжу я просто как фэшн инфлюенсер. Надо отдать маме должное, она разбирается в моде и стиле.

– Мам, – Стучусь к ней в спальню. – А сделаешь мне макияж и с волосами что-нибудь? Мама аж подпрыгивает на месте.

– Заходи. О, этот костюм мой любимый. Влад тебя куда-то позвал?

– Нет, мы сегодня не встречаемся.

– А зачем тогда это всё?

Я просто пожимаю плечами. Мне хочется надеть броню. Раньше моей бронёй были чёрные балахоны, но теперь они меня не скрывают от общества, и меня всё равно все обсуждают, и я, наверное, хочу доказать, что я не бледная поганка. Может, это мой шанс на трансформацию?

Мама делает мне гладкий низкий пучок, говорит, что к такому образу волосы должны быть максимально строгими, и макияж. Я смотрю на себя в зеркало и поверить не могу, что это я. Даже на выпускной я не наряжалась, мама тогда плакала, а я не могла уступить и поступиться своим комфортом. Все девочки из моего класса платья выбирали с сентября, а прически и макияж делали с репетициями, как на свадьбу, я же пошла в черной атласной юбке в пол, винтажной футболке и вансах. Волосы просто помыла и распустила. Меня тогда даже на общие фото брать не хотели и ставили к мальчикам на второй ряд. Сейчас же я выгляжу не хуже тех девушек с «Патриков».

Когда я заезжаю на заправку, понимаю, что за мной едет «Гелендваген Брабус» от самого посёлка. Какое-то неприятное чувство, что меня преследуют. Конечно, это может быть сосед, и нет ничего странного, что он тоже заехал на заправку. Выхожу из машины и иду за кофе. Когда возвращаюсь, вижу, что гелек всё ещё стоит. Выезжаю обратно на шоссе и понимаю, что он точно меня преследует. И не видела я такой у себя в посёлке. Я бы запомнила. Это Brabus, и цвет необычный – серый акрил. Пытаюсь рассмотреть номера. «A007BK77». Ну и нарцисс! Номера под свое ФИО...

Звоню ему по громкой связи.

Начинаю возмущаться, как только снимает трубку.

– Ананьевский! Какого за мной следит серый брабус?

– Засекла? Так, на всякий...

– На какой на всякий? Убери своих церберов!

– Слушай, Кузьмина, мне кажется нам нужны прозвища, а то мы спалимся с фамилиями.

Так влюблённые не разговаривают.

– Что? – я не успеваю за его мыслями, пытаюсь избавиться от хвоста за мной. Конечно, у меня нет шансов, но я так просто не сдаюсь.

– Будешь кисей?

– Фу, Ананьевский!

– Засей? Тебе подходит.

– А без зоопарка можно? – раздражённо спрашиваю, меня всегда бесили эти телячьи нежности.

– Кузя? Маша? Пупсик? – перебирает варианты Влад.

– Ужас. Уж лучше зая.

– Окей, тогда я котя, – по тону слышно, что Влад расплывается в улыбке.

– Отзови своих чуваков, Котя!

– Зай, сейчас договоришься и они с тобой на лекции пойдут! – уже строго говорит Влад. Скидываю звонок. Испортил мне всё настроение.

Благо, его церберы не заехали со мной на парковку, а остались у ближайшего тц, хоть что-то радует.

Когда я раздеваюсь в академии, на меня все пялятся. Девочки уже не с высокомерными взглядами, а с оценивающими. Никогда не думала, но меня эти перемены в сокурсниках как будто подкармливают и я чувствую себя лучше.

Ко мне даже после второй пары подходят одногруппницы и зовут после занятий перекусить. Но меня уже позвал Егор в фудхолл. Он учится в МИРЭА, наши универы находятся прямо друг напротив друга, вообще он мог поступить в бауманку, но так как у него, кроме меня тоже нет друзей, мы так и пошли учиться рядом. И если наши расписания совпадают, всегда едим вместе, а не у себя в кафе-столовых.

Я жду его на парковке, он без машины и живёт рядом. Наши квартиры были на одном этаже, но теперь мы переехали в загородный дом.

– Салют, Эн! – Егор явно мне очень рад.

– Приветик! – чмокаю друга.

– Эй, это ты вообще? Я тебя не узнаю, – Егор аж очки снимает и протирает.

– Я, – смеюсь, – решила сменить имидж. Как тебе?

– Сразу видно, что у тебя появился чувак. Слушай, я так и не понимаю как вы замутили после всего, – Егор настороженно смотрит на меня.

– Сама не понимаю, да это так, вообще ничего серьёзного, мы просто chillим.

– Но ты изменилась.

– Это плохо? – не понимаю к чему клонит Егор.

– Нет. Наверное, нет, – Егор произносит это как-то совсем неуверенно.

Я аккуратно смотрю в зеркало заднего вида, когда выезжаю на Покрышкина, и радуюсь потому что Брабуса Ананьевского нет. Буквально через две минуты мы уже паркуемся у фудхолла. Мы пол часа ходим по всем корнерам и выбираем что поесть, Егор всегда берёт то, что хочу я. А после основного всегда идём есть моти и клубнику в шоколаде. Сегодня не исключение, хотя я уже сильно задержалась

– Ань, давай в кино на выходные сходим, – с надеждой зовёт меня Егор.

– Давай, с удовольствием, – соглашаюсь я.

– А твой чечик не будет против?

– С чего бы? Да я и ставить в известность не собираюсь. Давай только в воскресенье, в субботу с мамой планы.

– А с Ананьевским когда планы? – с каким-то особым любопытством спрашивает Егор.

– Да нет никаких планов, – отвечаю и сосредотачиваюсь на любимом десерте.

Когда мы выходим на улицу, уже стемнело.

– Давай я тебя подвезу, как раз пробки чуть рассосутся.

– Давай. Спасибо! – Егор довольный идёт в сторону моей машины, а не метро.

Я подхожу, машина разблокируется автоматически, но вдруг перед Егором нависает тень. Огромная Ананьевская тень.

– А ты что здесь делаешь? – не стесняясь Егора сходу наезжаю на него.

– Соскучился, зая! – произносит опять своим ледяным тоном. Я надеялась, что мы уже прошли этот этап.

– Ясно. Ну, я сейчас подвезу Егора, а потом еду домой.

– Егора? – Влад смеряет уничижительным взглядом моего друга, который аж замер и прирос руками к лямкам своего рюкзака, – Егор, доедет сам, зай. Да, Егор?

– Да. Всем пока, – Егор размораживается и сбегает в сторону метро. Я даже окликнуть его не успеваю. Я думала, что Влад меня подавляет, но на других он воздействует ещё мощнее, видимо.

– И что это было, Ананьевский? – с вызовом его спрашиваю.

Влад же просто без спроса садится ко мне в машину. Сажусь тоже и вопросительно на него смотрю.

– И это за тубик? – требовательным тоном спрашивает Влад.

– Егор не тубик. Это мой лучший друг! – отстаиваю свои границы.

– Этот лучший друг-задрот дрочит на тебя, Аня!

– Фу, Ананьевский, ты меня уже достал со своей пошлостью.

– Алло, Вить, пробей Аниного Егора вдоль и поперёк, – набирает кому-то Влад и даёт команду.

И пока я сижу и соображаю, что здесь происходит и как моя жизнь докатилась до пробивания и сопровождения, Влад дёргает меня на себя, целует и выдыхает в губы :

– Котя правда соскучился, зая.

Глава 18

Я зажимаю губы и не даю ему проникнуть языком. Влад дёргает меня за пучок, у меня непроизвольно открываются губы, и он добивается своей цели. Пытаюсь отодвинуть от себя эту стальную гору мышц, но ничего не получается. «Если не можешь изменить обстоятельства, прими их», – всегда говорит мой папа, и я принимаю. Даже наслаждаюсь поцелуем, отмечаю, как мурашки пробегают по коже, а потом меня осеняет, и я кусаю его за губу.

Влад отстраняется и обхватывает моё лицо ладонями.

– Хочешь пожестче, Кузьмина? – Низким голосом спрашивает Ананьевский.

– Я никак не хочу!

Вырываюсь и с вызовом смотрю на него, задрвав подбородок. Но на всякий случай держусь за руль, потому что меня непонятно от чего потрясывает. Как будто температура поднимается.

– Вот как, – ухмыляется Влад, – тогда зая должна исполнить котино желание.

– Какое желание? – Произношу максимально безразлично, а сама боюсь услышать ответ.

Что он на этот раз придумает?!

– Котя голодный.

– А выглядит Котя так, как будто банку сметаны только что слизал.

– Я и слизал, – расплывается в улыбке, – и намерен слизать ещё, – взгляд насмешливый, бровь игриво приподнимается.

– Хорошо, сейчас закажу из «Лавки сметаны» тебе, котя, – цежу сквозь зубы.

– Нет, зай, так не пойдёт, приготовь мне ужин.

– Приготовить ужин? – Недоуменно смотрю на него, – я не умею. Совсем.

– Кузьмина, импровизируй. Давай, поехали.

– Мне тебя ещё и везти?

– Предлагаешь отдельное такси вызвать? Я тебя так напрягаю? – Внимательно смотрит.

– А где Борис? Или твои церберы?

– Отпустил. Я же с тобой. Несу службу, – опять произносит с серьёзным видом и смехом в глазах.

Я закатываю глаза, пишу маме, что мне нужна её помощь, и выезжаю с парковки. Сразу еду в «Азбуку Вкуса» за продуктами. У меня созрел план.

– Котя, возьми мне воды, пожалуйста. «Harrogate».

Специально отправляю его на поиски, чтобы проконсультироваться с мамой, а еще лучше незаметно взять что-то в кулинарии.

Мама включается в процесс, думая, что я сейчас прохожу тест на приём в семью Ананьевских. Естественно, она хочет, чтобы я блестяще его прошла. Я же просто иду на поводу у этого индюка. Но маман даёт мне дельный совет, что стейк я могу испортить, а вот бефстроганов из рибай стейка получатся сто процентов. Беру продукты и нахожу Влада. Он сидит в кафе у кондитерского отдела и лопаёт мини-пирожные.

– Так что, тебя не кормить, Ананьевский?

– Котя. Я котя. Запомни, зай. И нет, меня кормить. А это аперитив, – запихивает целиком последнее пирожное и встаёт.

Ну, это не мужчина, это питон какой-то. А этот двухсотсантиметровый «котя» подходит и целует меня в макушку. Краем глаза замечаю, как нами умиляются девушки из отдела бакалеи. Знали бы они, что это всего лишь показуха...

– Котя будет бефстроганов? – Раздражённо спрашиваю.

– Ты же не умеешь готовить? – С недоверием спрашивает.

– Я старательная ученица, Ананьевский.

– Я вижу, – смеряет меня взглядом с ног до головы, – ты сегодня красивая.

– А обычно не красивая? – Я аж задыхаюсь от возмущения, какой же грубиян!

– Давай ещё пирожных возьмём? – Влад просто игнорирует мой вопрос и меняет тему.

Он же только что съел коробку, как можно быть таким сладкоежкой и иметь такое сухое тело?

– Ладно, я буду фисташковый эклер, – говорю и ему, и девушке за прилавком.

– Нет, это не твой размер.

– В смысле не мой? – Спрашиваю с недоумением, а девушка смотрит на нас с интересом.

– Беру в рот только такие, – Влад показывает руками отрезок сантиметров двадцать пять, – забыла, как вчера наслаждалась?

Продавщица стыдливо отворачивается, а я заливаюсь румянцем. Вот же козёл! Позорит меня намеренно.

– Он про эклер из ресторана, – поясняю девушке.

Видно, что она пытается показаться невозмутимой, но у неё плохо получается. Я невнятно бросаю, что забыла что-то взять, и убегаю от него. В молочном отделе прохладнее, и я намеренно долго выбираю сливки и масло, чтобы успокоиться и охладить багряные щёки.

Успокоившись, возвращаюсь к Ананьевскому, который в отделе лимонадов опустошает полки. Интересно, секрет его формы в миллиардерском лайфхаке каком-то или просто чтобы прокормить эту двухметровую машину надо столько топлива?

– Вбивай адрес, Ананьевский, – протягиваю ему телефон.

– Какое доверие, Кузьмина! Ты теперь не боишься котю? – Ухмыляется и забивает адрес.

– С тобой я поняла, что есть вещи страшнее, – многозначительно произношу.

Смотрю адрес. Пречистенская набережная. Можно было бы и не спрашивать, а сразу ехать в район золотой мили. Где же ему ещё жить?

– Например? – Спрашивает с явным интересом.

– Забей. Ты один живёшь или к родителям едем?

– Я живу с родителями, это квартира для особых случаев.

– Например? – Спрашиваю, повторяя его вопрос и интонацию.

– Например, когда провинившаяся зая готовит мне ужин.

Я скоро мышцы век накачаю, если это возможно. Постоянно глаза закатываются от его слов.

– А если зая запорит ужин?

– Котя возьмёт всё в свои руки и сам приготовит и накормит зая, – говорит так, что я думаю совсем не о бекфстроганов.

– Ты готовить умеешь? – Спрашиваю скорее, чтобы не давать волю своей фантазии.

– Да. Мы ещё лет десять назад переманили повара с двумя звёздами к себе. Он меня постоянно учил. Я могу тебя удивить.

– О, не сомневаюсь! Ты отлично справляешься!

Ананьевский широко улыбается и чмокает меня на светофоре. Может, он просто тактильный? Я вообще не привыкла к такому проявлению чувств, я не привыкла и не люблю, когда меня трогают. Даже брат и родители. Я не могу сказать, что мне неприятно, когда он так делает, скорее даже очень приятно, но непривычно.

Наконец Влад залипает в телефон и занимается своими делами. Я же радуюсь этим минутам спокойствия и особенно тому, что он вообще ничего не комментирует и не даёт советы, как мне ехать. Для меня это в новинку. Папа и брат не могут расслабиться ни на минуту, Влад же себя ведёт, как будто за рулем Борис. И как только я об этом думаю, он кладёт свою лапицу на мою ногу и начинает вычерчивать узоры. С Борисом он явно себя так не ведёт...

Бросаю взгляд на него и понимаю, что с такими длинными конечностями подлокотник вообще не преграда. И он даже не смотрит на меня. Сидит в телефоне и лапает меня.

– Мне превысить скорость? Выхать на полосу для транспорта? – Раздражённо и громко спрашиваю, отрывая его от телефона.

– Зачем? – Он аж трогательно заморгал от непонимания.

– А зачем вот это, – опускаю глаза на его руку, – подумала, что ты хочешь получить штраф и зафиксировать на государственные камеры свои шаловливые ручонки. Поэтому и лапаешь!

– Лапаю? Мне хочется тебя касаться, Аня. И я касаюсь. Тебе не нравится? – На последней фразе он понижает тон и сжимает руку на моей ляжке.

Мне хочется зло ответить, что мне не нравится, но я не могу. Дыхание сбивается, я теряюсь в пространстве и путаюсь в развязке, не могу сконцентрироваться и не нахожу ничего лучше, чем просто внимательно смотреть в навигатор. Когда спустя минуту я нахожу правильный съезд, Влад начинает медленно вести руку вверх. Хорошо, что сейчас дорога прямая и мне нужно просто вести машину, потому что мне настолько страшно и настолько волнительно одновременно, что я больше ни о чём другом думать не могу.

Влад останавливается на пределе допустимого и просто собственнически держит руку на моём бедре. Хорошо, что мы уже почти приехали и он лезет за карточкой для паркинга, поэтому длится это недолго.

Он живёт в жилом комплексе с видом на Москва-реку, парк Музеон и Красный Октябрь. Я люблю здесь кататься на самокате весной. Жилой комплекс очень необычный для Москвы, всего четыре этажа и причудливая изогнутая форма. Интересно, как там внутри? Забавно, но когда я здесь гуляла, я представляла, что здесь живу и выхожу утром гулять на набережную.

В квартире, на мой взгляд, сделан какой-то не самый удачный ремонт, и у меня вырывается это непроизвольно.

Влад смеётся.

– Я уже заметил, что я до тебя не тяну. Самолёт не тот, аурус сомнителен, Кусково есть в Москве, теперь и квартира не нравится.

– Зато хозяин нравится, – ляпаю, опять не подумав, пытаюсь спасти своё положение.

– Да? – Игриво уточняет Влад, разворачивается и в пару шагов пересекает большой холл. А потом прижимает меня к стене, – скажи это ещё раз, зай.

Глава 19

Влад нависает надо мной, впившись в меня своими голубыми, как лёд Байкала, глазами и вжавшись горячим, как лава, телом.

– Не скажу. Моя бабушка говорит, что хорошего понемножку, – говорю ему, смотря в глаза.

Мне очень жарко от его присутствия. И как-то очень неловко. Всё-таки сейчас мы совершенно одни. Такое впервые.

– Как ты понимаешь, в моей семье так не говорят, – шепчет Влад мне на ухо. – У нас хорошего много. Очень много, Аня.

Ананьевский вскользь целует меня в скулу и отпускает. Подхватывает пакеты и уходит по коридору. Восстановив дыхание, догоняю его. Мне открывается вид из окон, он ещё лучше, чем на набережной, потому что это второй этаж. Никогда не жила в центре, совсем другая атмосфера, как будто сразу врываешься в жизнь и водоворот событий. А с появлением Влада именно так я свою жизнь и ощущаю. Всё очень ярко и насыщенно.

– Куда ты столько пирожных взял? Ты правда всё это съешь? – спрашиваю, разбирая пакеты.

– Мы же вдвоём. Ты несколько съешь, а остальные я, – отвечает Влад, забирает у меня коробку на двенадцать пирожных и ставит в встроенный холодильник.

– Я уже съела моти сегодня, больше не могу, я не машина по сжиганию калорий, как ты.

– С тубиком своим ела? – небрежно бросает через плечо.

– Он не мой. Просто друг. Сам ты тубик! – отвечаю Владу из-за вредности.

Ананьевский тут же прижимает меня к столешнице. Эта его манера уже начинает меня напрягать. Радует, что окна открыты и кажется, что мы на виду всей улицы. Мне так спокойнее.

– Я масик. Щедрый. Добрый. Заботливый, – говорит Влад с паузами, следя за моей реакцией, – самая совершенная версия масика.

Берёт за моей спиной продукты и раскладывает дальше.

– Хорошо, котямася, как скажешь, – стебусь над этой совершенной версией.

– Вот. Такая зая мне нравится, – расплывается в улыбке. – Я схожу в душ. Весь день тренировался. Справишься с ужином?

– Справлюсь. Иди, – я радуюсь, что наконец побуду одна.

Как только Ананьевский скрывается в недрах квартиры, достаю наушники и звоню маме по «Фейстайм», чтобы она помогла мне приготовить. Она уже скинула в сообщении подробную инструкцию, но я не понимаю, как резать мясо поперёк волокон.

– Мам, вот смотри кусок, как мне его нарезать?

– Вот так режь, по сантиметру шириной. Ань, покажи мне быстренько квартиру, пока он не вернулся.

– Мам, ты издеваешься? Квартира как квартира. Просто на Пречистенке.

– Ты хочешь в ЦУМ? Тогда показывай. А то даже в «Атриум» не поеду.

– Почему аист меня принёс тебе? – громко вздыхаю и показываю маме гостиную и кухню.

– Потолок отвратительный, сразу всю высоту убили. Кто дизайнер?

– Мам, откуда я знаю?

– Спроси. Интересно. Но в целом хорошо, а сколько метров?

– Мне план попросить? – раздражаюсь маминым вопросам, потом вспоминаю, что мне нужна помощь. – Мне кажется, как наш первый этаж.

– Ух! Полмиллиарда, не меньше, – оживается мама.

– Ма-а-м! – рявкаю я.

Несмотря на свое любопытство, мама даёт мне чрезвычайно чёткие указания, и мясо готово через семь минут, я даже удивлена, что так быстро и просто. Пюре я всё-таки купила готовое, я знаю, что в «Азбуке» оно хорошее, и не вижу смысла заморачиваться. Благодарю маму и отключаюсь.

Влад возвращается, когда я открываю ящики, пытаюсь найти посуду. В этот раз он одет, но от этого мне не легче, потому что сквозь его серые спортивные штаны очень явно проступает «стальной Влад», как он его назвал вчера. Я не знаю, куда и как отвести глаза, и кажется, что он это считывает.

- Что там смотришь? – насмешливо спрашивает.
- Я? Я не смотрю, – отвечаю, как провинившаяся школьница.
- Я про ящики. А ты о чём подумала?
- О посуде думаю. Тарелки не могу найти.
- Так и подумал, – ухмыляется Влад, подходит и нажимает на нужный фасад.

Ананьевский помогает накрыть мне на стол. Услужливо спрашивает, что я буду пить, достаёт и зажигает свечи и всячески мне помогает. А ещё режет свежий хлеб и сам раскладывает закуски, которые я прихватила. Меня это удивляет, потому что Даня пальцем не пошевелит лишний раз, просто сидит и ждёт. Я была уверена, что Влад ещё более разбалованный и без прислуги даже чай не сделает, но он приятно удивляет.

Можно было бы подумать, что у нас очень уютное домашнее свидание, так у нас всё красиво и торжественно получилось. А самое главное, я действительно вкусно приготовила. Я совершенно не ожидала, что у меня всё получится. По моим ощущениям вкуснее, чем у мамы. Невероятно. Волшебство какое-то. Может, это миллиардские сковорода? Мама отметила, что хорошая.

- Ты правда не умеешь готовить? – спрашивает Влад, оторвавшись от мяса.
- Только скрэмбл нам с братом готовила. Ты у меня первый, – беру паузу, – подопытный.
- Вкуснее, чем в Пушкине, честно. Я готов и на другие опыты, – довольно произносит и слизывает соус с нижней губы.

Влад так красиво ест, что я люблюсь. Смотришь на него и веришь, что это очень вкусно. Его движения размеренны, неторопливы, и понятно, что он наслаждается процессом.

– Я рада, что тебе понравилось! Честно, сама не ожидала, что получится, – произношу сквозь смущённую улыбку.

- Слушай, Ань, у меня предложение, – вдруг Влад произносит слишком серьёзно.
 - Какое? – я невольно напрягаюсь.
 - Как думаешь, мы друзья?
 - Ну, – я задумываюсь немного, – в общем, да. Мы уже неплохо ладим. Вроде нашли общий язык.
 - Может, будем друзьями с привилегиями?
 - Это как? – заинтересованно спрашиваю.
 - Мы можем дружить и трахаться.
- У меня аж мясо изо рта выпадает и падает на мою лаковую юбку.

Глава 20

Я молча вытираю лук и мясо с юбки салфеткой. Хорошо, что это не шёлк, пятен не остаётся. Поднимаю на него глаза. Привычного лукавого блеска нет. Он серьёзен и сосредоточен. Хоть и бесит дико, но в этой вдумчивости он необычайно красив.

– Ты шутишь? – наконец спрашиваю его.

– Нет. А что тебя смущает? – интересуется тоном, похожим на тон его отца.

Влад спокоен и уверен в себе. Продолжает есть, как будто только что не ошарашил меня.

– Примерно всё. У нас с тобой договор. Я перегнула палку, подвела твою семью, поэтому помогаю тебе. Поцелуй и всё остальное лишь на публику. И я тебе говорила, что у меня не было отношений. Как ты себе это представляешь?

– Тебя смущает, что я буду первым? А ты хотела, чтобы это произошло с особенным, красиво и незабываемо?

– Да, как-то так.

– Так здесь нет противоречий. Будет красиво, незабываемо и с особенным.

Наконец на его лице появляется фирменная ухмылка.

– Я серьёзно!

– Подожди, выслушай меня. Не отказывайся. Смотри, я уже тебе рассказывал, что у меня был роман с взрослой женщиной. А потому я опытный и внимательный. Знаю, что и как нужно женщине, – исправляется, – девушке. Следовательно, количество твоих оргазмов в день возрастёт на триста, а при благоприятном исходе на пятьсот процентов. За месяц у нас будут колоссальные показатели.

Я слушаю и не могу поверить. Он себя ведёт, как на переговорах с партнёрами, а не с девушкой. Пусть я и не его девушка, но предложение-то интимное. Что значит пятьсот процентов оргазмов? Зачем я вообще об этом думаю? Колоссальные показатели? Мы же не сталь производим...

– Влад, не смешно!

– А я не смеюсь. Также ты будешь дополнительно сжигать около четырёхсот калорий в сутки, что позволит тебе съесть дополнительное пирожное или что ты любишь. И естественно, у тебя будет повышенная работоспособность, концентрация, крепкий сон и хорошее настроение. И я открыт к предложениям.

– У меня стойкое ощущение, что мы на переговорах и ты сейчас включишь проектор и покажешь мне лазерной указкой графики.

– Не настолько, детка. Слышишь же, играет Weekend. Свечи горят. Романтично же? Я готовился.

– Ты ещё и готовился?

– Разумеется. Это залог успеха.

– Это полный провал, Ананьевский.

– Поторопился. Надо на балете было предложить.

– На балете?

– Да. На следующей неделе мы идём на благотворительный вечер с моими родителями в Большой. У нас центральная ложа. А потом фуршет в доме Пашкова.

– Какой балет?

– Гаяне, кажется.

И я начинаю не просто смеяться, а ржать. Как представляю, что мы сидим в императорской ложе, а Влад мне предлагает заняться дружеским сексом под танец с саблями. А потом под него же и повышает показатели до трёхсот и пятисот процентов. Минуту назад мне хотелось его убить, а сейчас я не могу прийти в себя. Уникум, конечно.

Влад непонимающе и растерянно на меня смотрит. Терпеливо ждёт, когда мой припадок закончится, а мне от этого ещё смешнее. Могла ли я представить, что мои, хоть и фальшивые, отношения будут такими? Никогда в жизни!

– Прости, – произношу, немного придя в себя, – просто я представила эту картину. А ещё как ты добываешь пятьсот процентов под танец с саблями.

Влад прыскает и тоже начинает смеяться.

– Женщина, ты сумасшедшая! – говорит Влад, подперев рукой подбородок. Но ты подумай. Я тебя не тороплю.

– Мужчина, мне не нужно время. Мой ответ – нет. Без шансов.

– Мне нравится, когда ты меня называешь мужчиной.

– Мне тоже нравится женщина, намного больше «зай». Как-то даже сексуально, да?

– Да. Именно. Моя сумасшедшая женщина.

Влад произносит это низким голосом и прищуривается.

– И признай, что шанс есть.

– Мужчина, Вы слишком самоуверенны. Ноль. Зеро.

Подкалываю его с удовольствием.

Мы вместе убираем со стола, и я понимаю, что никакого напряжения между нами нет. Нам действительно комфортно и легко друг с другом, бывают стычки, но они даже забавные. Мне кажется, что у Влада стальная выдержка. Может, действительно он так изменился за эти месяцы? Его отцу же виднее...

Влад наконец-то добирается до своих любимых пирожных, а я ограничиваюсь колой без сахара. Точнее, нашей колой. Влад сказал, что у него двадцать пять процентов акций этого завода. Он попросил их на восемнадцатилетие и уже утроил доходность. Он с таким интересом об этом рассказывал, что я стала восхищаться им ещё больше. Правда, термины звучали, как за ужином, и приходилось постоянно гнать от себя посторонние мысли с навязчивой музыкой Хачатуряна.

Мой брат просто первокласска по сравнению с Владом. Да и я тоже. Влад же масштабный. Сам огромный и мыслит также. Мне даже в мысли приходило попросить хоть сколько-нибудь акций в качестве подарка.

– Женщина, пойдём на диван? Посмотрим что-нибудь.

– Уже поздно, пока доеду, будет уже одиннадцать, а если что-то смотреть, то ещё позднее.

– Оставайся.

Влад считывает моё возмущение.

– Здесь три спальни, обещаю, в этот раз будешь спать одна. Если сама не захочешь ко мне, конечно.

Хитро улыбается.

– Нет, что я родителям скажу?

– Покажешь мне «Игру Престолов».

Уговаривает дальше.

И я сдаюсь, слишком высокий соблазн. Звоню маме, она сразу же соглашается с многозначительным тоном. Никогда не думала, что мама так просто меня отпустит, но одна его фамилия сметает все запреты.

Влад сам всё настраивает, я лежу на козетке и смотрю ленту в телефоне.

– Женщина, попробуй, – Влад подносит ко мне десертную вилку с щедрым куском, – открывай рот.

Я слушаюсь и с удовольствием съедаю, а потом прошу добавки. Влад всё также кормит меня и предлагает новые на пробу. В итоге я попробовала все и не могу пошевелиться. Он на меня игриво смотрит, и я понимаю уже, на что он намекает, но он молчит. Нет, лишними калориями он меня точно не уговорит...

Я с удовольствием посвящаю его в сюжет и рассказываю нюансы, которые новичку так сразу и не понять. Но и тут он меня удивляет и уже сам строит стратегии и предположения. Чувствую себя рядом с ним глупой школьницей. Он живёт в «Игре Престолов». Буквально. И девушка ему нужна, наверное, соответствующая...

Мы решаем посмотреть сразу и вторую серию. Влад ложится на диван, а мне на колени водружает голову.

– Зая почешет котю? – смотрит на меня умоляюще глазами оленёнка.

– Почешет. Это и будет вся твоя привилегия, Котя, – провожу ноготками по его ёжику и улыбаюсь, наблюдая за реакцией.

Глава 21

Просыпаюсь от странных звуков. Открываю глаза и натываюсь на привычную уже глыбу. Прячусь под одеяло от него, достаю из-под подушки телефон и смотрю на время. Опять он будит меня в шесть утра. Мне не нравится эта традиция. Я планировала поспать ещё как минимум час.

– Что ты делаешь, Ананьевский? – спрашиваю из-под одеяла и чувствую, как матрас под тяжестью веса немного прогибается в изножье кровати.

– Я заглянул посмотреть, спишь или нет. Ты очень милая, когда спишь, и я сфотографировал, – Влад аккуратно тянет моё одеяло на себя, а второй рукой трогает мои ступни.

– Что ты делаешь? – вырываю свою ступню и подтягиваю колени к себе, – я думала поспать ещё.

– Спи. Я улетаю с отцом в Магнитогорск, срочные дела. Ключи оставлю.

Я сразу же вскакиваю. Не буду я здесь оставаться, когда его нет.

– Нет. Я сейчас быстро соберусь. Выйдешь? – смущённо прошу меня оставить.

Влад проводит рукой по моей коленке через одеяло, встаёт и выходит. Интересно, насколько он улетаёт. Мы всё-таки пойдём на балет или нет? Что мне делать два с половиной часа до универа?

Нахожу Влада на кухне, он пьёт воду за островом и что-то делает в макбуке.

– Зай, иди сюда, завтракать будешь?

– Нет. Я заеду в «Кофеманию», до пар больше двух часов.

– Только не в «Кофеманию». Без меня нельзя.

– В смысле нельзя без тебя? Мне три сырника много или что?

Влад ухмыляется и разворачивает свой ноут ко мне экраном. Там его профиль в облаке. Открыто то видео, которым он меня шантажировал.

– Удали. Больше нет копий. Мы друзья. Всё должно быть на доверии, – говорит уверенно и смотрит многозначительно.

Хоть я и старалась всячески забыть про это видео и успокаивала себя, что он его не сольёт, чувствую небывалое облегчение. Как будто меня достали из-под развалов. Кликаю на все видео из моего дома и удаляю безвозмездно.

– Спасибо, Влад! Это очень ценно для меня. А ты надолго улетаешь?

– Не за что тебе благодарить. Прости меня. Я перегнул, – накрывает мою руку своей, – в среду вернусь. К балету.

Какие-то двойственные чувства. Вроде мне и неудобно перед ним за слив, с другой стороны, из-за него я столько стресса пережила и до сих пор отрабатываю.

– Хорошо. А можешь дать мне толстовку какую-нибудь? Не хочу идти на пары во вчерашней одежде.

– Да. Пойдем, выберешь. У меня есть тут какая-то одежда с того года. Она тебе будет почти как раз.

Захожу в его спальню. Моя гостевая была как-то уютнее, а тут всё похоже на Влада. Всё серое, стальное, холодное. Но так интенсивно им пахнет. Странно, обычно я не чувствую так чужой запах. Он подводит меня к небольшой гардеробной и показывает на вешалку. Беру несколько чёрных толстовок и прикладываю к платью. Хоть это и его прошлогодние и маленькие, как он выразился, они сидят на мне, как платье.

– Я в них утонула. Как будто я вообще без платья, – сетую, смотрясь в зеркало.

– У тебя красивые ноги, Аня, – подходит и встаёт за мной, ловя мой взгляд в отражении.

– Спасибо, пожалуй, оставлю, – я смущаюсь его комплимента и отхожу.

– Возьми пуховик. Он тоже маленький. Сегодня похолодало, – Влад протягивает мне вешалку с чёрным пуховиком Prada.

– Да ты модный парень, – улыбаюсь и примеряю действительно подходящий мне пуховик.

– Мужчинам нравятся, когда девочки гоняют в их одежде, – смотрит на меня оценивающим взглядом.

– Почему?

– Потому, – щёлкает меня по носу и выходит.

Я ещё раз смотрюсь в зеркало. Дерзкая. Я опять дерзкая. И мне нравится. Даже делаю селфи и выхожу.

– Может, я тебя в аэропорт отвезу? – спрашиваю Влада в лифте.

– Зая решила поухаживать за Котей? – спрашивает с удивлением.

– Ну, – смущаюсь его тракторки, – просто время свободное есть.

– Меня Боря ждёт уже. У меня вопрос.

– Какой? – я сразу напрягаюсь, потому что вижу в его глазах привычные чертинки.

– Ты подумаешь над моим предложением к моему прилёту?

Я сразу завожусь. Только я подумала, что ему можно доверять. Что он заботливый и нормальный, так он сразу напоминает, что ни черта не такой. Скорее бы отсюда уехать. Подхожу к своей машине. Он идёт за мной.

– Влад, да мне вообще секс неинтересен. Ни по дружбе, ни по любви. Кому он сейчас нужен? Ты как будто из другого поколения.

– Аня, – Влад прижимает меня к бетонной колонне, – энергия денег и секса взаимосвязаны. Мне нужен. И тебе, судя по твоей коробке, тоже, – ухмыляется.

– Да она не моя, её Егор подарил. Я даже не открывала её.

Я замечаю, как у Влада начинают ходить желваки и сжимается челюсть. Глаза молниеносно становятся ледяными.

– Егор? – у него даже тон леденеет, – выброси эту хрень, – наклоняется, целует быстро в щёку и бросает, – я напишу. До встречи.

Я, ошарашенная его резкой сменой настроения, смотрю, как он размашистыми шагами идёт в сторону Бориса. Тот открывает ему дверь, а Влад даже не смотрит на меня напоследок. От чего-то неприятно.

На учёбе я не могу нормально сосредоточиться ни на одной паре. На лекциях включаю диктофон на айфоне, а на семинарах стараюсь просто не отвечать. В душе раздраз. Ещё и все шепчутся за моей спиной. Девочки обдают высокомерными взглядами. Я прям чувствую, как все думают, что я его недостойна и ему не ровня. Ни по статусу, ни по внешности. Ко мне сегодня даже подошла Соня, которую считают самой сочной первокурсницей, как сказал мне брат, и предложила вступить в образовательный клуб. Пока она рассказывала о преимуществах, как бы между делом спросила о брате Влада. А потом пошутила, что мы ещё подружимся и будем ходить на парные свидания. Но в каждой шутке бывает и солидная доля правды. От этого мне не по себе. Всё равно она на меня смотрела снисходительно. И никакие розы у главного входа это не исправят.

Вечером, во время семейного ужина, звонит домофон. Даня встаёт посмотреть и зовёт меня. В калитку входит Борис с огромным букетом нежных сиреневых маттиол и сиреневой коробкой из «Азбуки Вкуса». Я сразу понимаю, что это пирожные. Довольная заносу эту красоту в дом. Ставлю всё на консоль и замечаю в середине записку, прикрепленную к ещё одной коробочке, которую не видно было сквозь цветы.

Вскрываю конверт и читаю: «Посмотришь в десять со мной третью серию? P.S.: в коробке замена хламу. Если станет интересно».

Глава 22

Пробуждаюсь от мягкого света весенних солнечных лучей и приятной истомы в теле. Спальня Влада уже не кажется холодной и неудобной, она его. Она пахнет им. Чувствую, как он сгребает меня в горячие объятия и нежно целует позвонки. Млею от его ласки, вжимаюсь крепче. Его руки блуждают по моему телу, очерчивая узоры, мне так приятно, что я всхлипываю в этом томлении.

И просыпаюсь от собственных стонов уже по-настоящему. Фух. Я у себя. Одна. Никакого Ананьевского. Проверяю время. Шесть утра. Это теперь традиция. Рядом он или не рядом, а всё равно стабильно будит меня в чёртовы шесть утра.

Чищу зубы и понимаю, что сегодня я выгляжу совсем неважно. Я легла пораньше, но проснулась в час ночи оттого, что мне приснилось, как Влад в своей стрёмной форме омовца хотел применить ко мне свой последний подарок. Его игрушку я убрала в тот же ящик комода. Обязательно всё отвезу в «Собиратор» и избавляюсь от этих кошмаров. Вот только, судя по всему, Ане в мире Морфея очень нравятся эти игры Ананьевского. Бесит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.